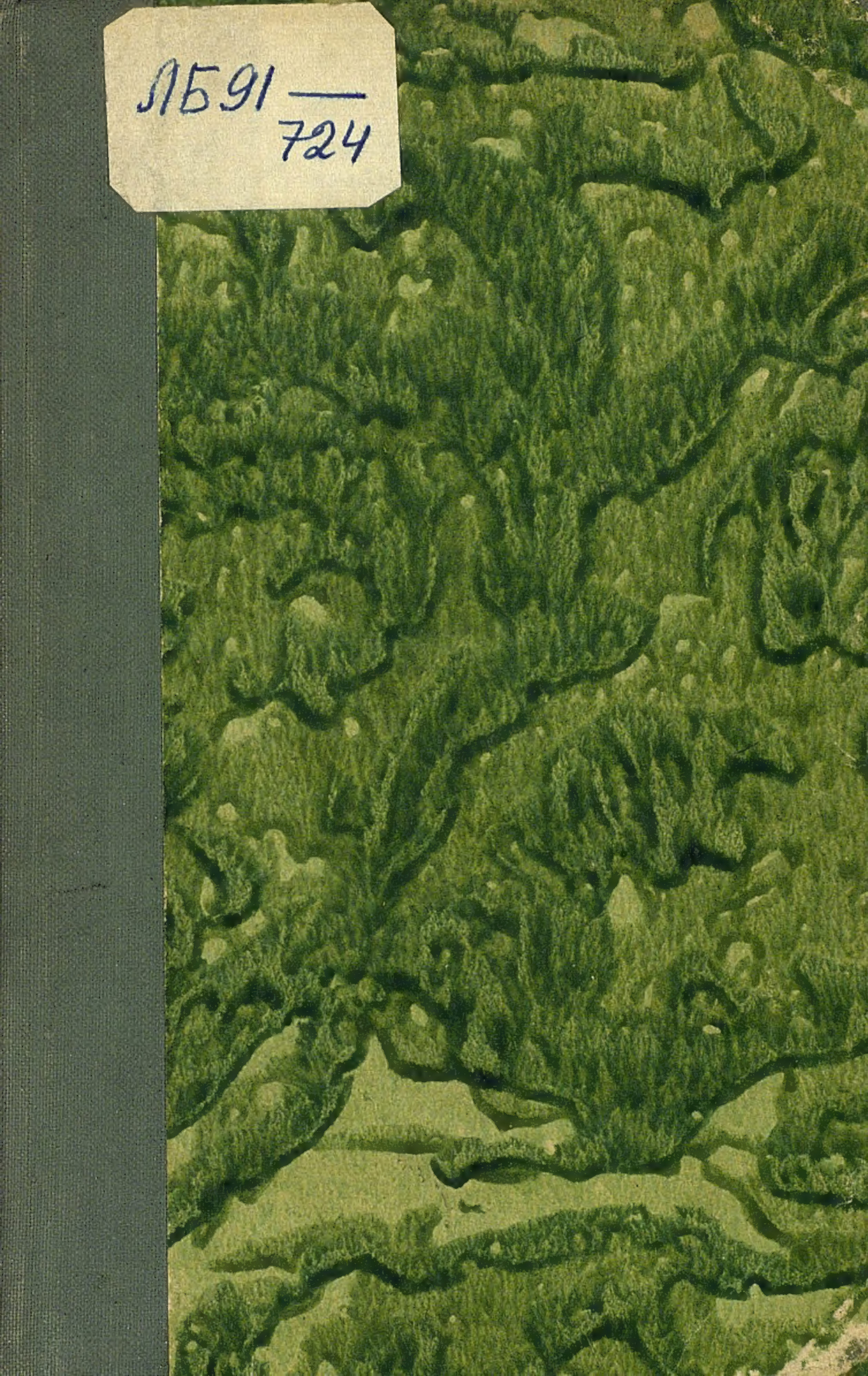

ЛБ91 —
724

А. С. РЕЗАНОВЪ.

Штурмовой Сигналъ П. Н. Милюкова.

«Что это: глупость или измѣна?»
П. Милюковъ.

Съ приложенiемъ полнаго текста рѣчи, произнесенной Милюковымъ въ засѣданiи Госуд. Думы 1 ноября 1916 г.

ИЗДАНIЕ АВТОРА.
Парижъ

1-й
фонда

А. С. РЕЗАНОВЪ.

Штурмовой Сигналъ П. Н. Милюкова.

«Что это: глупость или измѣна?»
П. Милюковъ.

Съ приложенiемъ полнаго текста рѣчи, произнесенной Милюковымъ въ засѣданiи Госуд. Думы 1 ноября 1916 г.

ИЗДАНIЕ АВТОРА.
Парижъ

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine
(88, Rue des Boulets), Paris-XIe

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ АВТОРА

Мы отнюдь не склонны закрывать глаза на тѣ ошибки, которыя допускали въ своей дѣятельности Императорскія правительства въ теченіе всей войны съ Германіей. Мы не отрицаемъ, что часть вины въ испытаніяхъ и бѣдствіяхъ, постигшихъ нашу Родину, падаетъ и на долю бывшаго правительства, оказавшагося не на высотѣ сложныхъ политическихъ, военныхъ и соціальныхъ задачъ, поставленныхъ на разрѣшеніе намъ исторіей. Правительство оказалось несостоятельнымъ и слабымъ. Прежде всего его несостоятельность и слабость сказались въ неумѣніи и безсиліи въ корнѣ прекратить начавшуюся пораженческую пропаганду и исключить возможность дерзкихъ, до наглости, революціонныхъ выступленій отдѣльныхъ лицъ.

Правительство было слабо и боязливо для того, чтобы смѣло итти на встрѣчу опасности и во имя высшихъ интересовъ Россіи примѣнить свою власть въ отношеніи преступныхъ лицъ, вовсе не считаясь съ ихъ общественнымъ или политическимъ положеніемъ. Представители оппозиціи, порою въ полномъ согласіи съ революціонными дѣятелями, пользовались этими недостатками правительства и развивали свою злонамѣренную и своекорыстную дѣятельность, часто заключавшую въ себѣ оба вышеуказанные элемента.

Сперва робкія по существу и приличныя по формѣ выступленія отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей, враждебно настроенныхъ по отношенію правительства, видя терпимость и попуститель-

ства послѣдняго, принимали все болѣе и болѣе раздражительный тонъ и рѣзкія формы, достигнувъ, наконецъ, своей кульминаціонной дерзости въ моментъ произношенія Милюковымъ своей, отнынѣ исторической, рѣчи 1 ноября 1916 года. Рѣчь эта, наполненная самыми тяжелыми обвиненіями противъ правительства и даже нынѣ покойной Императрицы, произвела удручающее впечатлѣніе на общество и армію, вселяя въ сознаніе ихъ увѣренность въ безцѣльность дальнѣйшей борьбы съ Германіей, такъ какъ, изъ словъ оратора явствовало, что "вражеская рука тайно вліяетъ на направленіе хода нашихъ государственныхъ дѣлъ", а, слѣдовательно, и рѣшаетъ участь сраженій. Подобное "ядовитое сѣмя подозрѣнія", умѣло брошенное въ массы, не могло пройти безслѣдно для народной психологіи, отравивъ ея жизнь сознаніемъ собственнаго безсилія и безнадежности создавшагося положенія.

Рѣчь эта сыграла роль революціоннаго микроба, указавъ центръ, противъ котораго должны были дѣйствовать всѣ антигосударственные элементы Россіи. Не задумываясь надъ конечными результатами своего дѣянія, Милюковъ, съ энергіей, пропитанной ненавистью и злобой, рубилъ стволъ того могучаго дуба, благами плодовъ котораго онъ передъ тѣмъ пользовался.

Среди тогдашняго правительства не нашлось ни одного довольно смѣлаго и энергичнаго человѣка, который бы могъ надлежащимъ окрикомъ, остановить эту тлетворную работу политическаго трансформатора, опьянѣвшаго отъ шума рукоплесканій галерки.

Зараза была привита и, будучи предоставлена собственной участи, отравляла все болѣе и болѣе отдаленные участки организма. Наконецъ, насталъ роковой день, когда произошелъ болѣзненный кризисъ, кончившійся роковымъ для Россіи исходомъ, такъ какъ силы ея были уже ослаблены

заразой, занесенной въ ея общественный организмъ.

Государственная мощъ Россіи, о которую безсильно разбивались яростныя атаки революціоннаго подполья, получила смертельную рану, измѣннически нанесенную изъ нѣдръ учрежденія, долженствовавшаго стоять на стражѣ насущныхъ интересовъ государства.

Мы отнюдь не утрируемъ значенія рѣчи Милюкова, ибо въ сознаніи общества она претворилась, какъ "штурмовой сигналъ", о чемъ свидѣтельствуетъ самъ Милюковъ въ своей "Исторіи второй русской революціи".

Благодаря недальновидности военной цензуры, запретившей печатаніе этой рѣчи, она быстро пріобрѣла легендарный характеръ, обросла сказками и баснями, и начала передаваться изъ устъ въ уста въ томъ видѣ и тонѣ, которые желалъ придать ей всякій излагающій ея содержаніе. Между тѣмъ, какъ свидѣтельствуетъ Милюковъ, "не было министерства и штаба въ тылу и на фронтѣ, въ которомъ не переписывалась бы эта рѣчь, разлетѣвшаяся по странѣ въ милліонахъ экземпляровъ", занося такимъ образомъ свою специфическую заразу въ такіе медвѣжьи углы, куда бы она никогда не проникла, при нормальной газетной, хотя бы и сокращенной, передачѣ.

Въ письмахъ, задержанныхъ военной цензурой и адресованныхъ въ дѣйствующую армію, выдумки, связанныя съ рѣчью, достигали чудовищныхъ размѣровъ, увѣряя, что "членъ Государственной Думы Милюковъ, имѣя документы въ рукахъ, всенародно доказалъ о продажѣ молодой Царицы и всѣхъ министровъ Вильгельму". Авторъ настоящихъ словъ читалъ цѣлую пачку подобнаго рода сообщеній.

Да и что было требовать отъ полуграмотныхъ или злонамѣренныхъ авторовъ писемъ, когда въ

предисловіи къ печатному тексту самой рѣчи, изданной уже послѣ революціи, говорилось:

*"Съ высоты думской трибуны было названо впервые имя Царицы и предъявлено царскому правительству тяжкое обвиненіе въ національной измѣнѣ. Испытанный вождь оппозиціи П. Н. Милюковъ тщательно подготовилъ матеріалъ для всенароднаго разоблаченія закулисной работы партіи Царицы Александры и Шюрмера и передъ лицомъ всего міра разорвалъ завѣсу, скрывавшую нѣмецкую лабораторію, сепаратнаго мира". *)*

Не будемъ уподобляться упомянутымъ выше авторамъ, а займемся спокойнымъ анализомъ рѣчи Милюкова, чтобы отдѣлить въ ней правду отъ клеветы, истину отъ сплетни; чтобы разобраться въ психологіи ея автора и произвести всестороннюю ея оцѣнку.

Постараемся во время нашей работы оперировать неопровержимыми фактами и точными выраженіями самого Милюкова, чтобы не вызвать съ его стороны нареканій на извращеніе нами смысла его словъ, на что обычно онъ жалуется.

Будемъ при этомъ правдивы, ибо клевета — оружіе слабыхъ и наглыхъ.

Парижъ, 1/14 ноября 1924 года.

А. РЕЗАНОВЪ.

---

*) См. рѣчь въ изданіи «Народное право». Москва, 1917 года.

Штурмовой сигналъ.

Россійская революція является слишкомъ сложнымъ и глубокимъ соціальнымъ событіемъ, для того, чтобы мы, ея современники, уже теперь дерзали изучить всю ея сокровенную сущность. Намъ надлежитъ ограничиться болѣе скромной задачей, а именно: попыткой освѣтить тѣ или иные факты, зрителями или участниками совершенія которыхъ мы были, дабы выяснить истинныя причины ихъ появленія и установить тѣ слѣдствія, которыя, съ неизбѣжной логикой, обусловливались разсматриваемымъ явленіемъ.

Съ этой точки зрѣнія, рѣчь г. Милюкова, произнесенная имъ въ засѣданіи Государственной Думы 1-го ноября 1916 года, заслуживаетъ исключительнаго нашего вниманія, какъ потому, что эта рѣчь, болѣе чѣмъ какая-либо рѣчь другихъ ораторовъ, своевременно взволновала общественную совѣсть страны, такъ и потому, что она имѣла чрезвычайно важныя и, притомъ, печальныя для Россіи послѣдствія. Историческое значеніе упомянутой рѣчи Милюкова заключается въ томъ, что произносившій ее ораторъ «громогласно заявилъ съ кафедры Государственной Думы» объ «измѣнѣ» правительства и впервые «имена членовъ придворнаго кружка съ именемъ Императрицы во главѣ, были произнесены 1-го ноября съ думской трибуны». Неудивительно поэтому, что рѣчь Милюкова произвела на

русское общество, уже уставшее отъ чрезмѣрныхъ напряженій, вызванныхъ войной, впечатлѣніе разорвавшейся бомбы, явившись «штурмовымъ сигналомъ» къ началу революціи и давши оппозиціоннымъ элементамъ революціонный «лозунгъ». *)] При такихъ условіяхъ ея общественнаго значенія, быть можетъ, не слѣдуетъ оспаривать мнѣніе самого Милюкова, считающаго «1-ое ноября 1916 года началомъ русской (почему не россійской?) революціи». **)

Другой вопросъ — какъ разцѣнивать эту рѣчь, съ точки зрѣнія государственности и патріотизма? Мы думаемъ, что нынѣ самъ Милюковъ уже далекъ отъ мысли считать ее «заслугой передъ Родиной» — какъ гордо онъ заявилъ объ этомъ въ моментъ произнесенія самой рѣчи. Если въ своей «Исторіи», Милюковъ уже болѣе скромнаго мнѣнія о своемъ государственномъ подвигѣ, совершенномъ 1-го ноября 1916 г., то въ самое послѣднее время онъ вовсе готовъ отказаться отъ чести быть авторомъ революціоннаго «лозунга», стараясь объяснить появленіе лейтъ-мотива своей рѣчи, заимствованіемъ его изъ другого источника, а именно, изъ рѣчи А. Н. Хвостова. ***) И такъ, по чистосердечному признанію Милюкова, рѣчь его была не оригинальна. Она является всего лишь плагіатомъ и притомъ плагіатомъ сомнительнаго, съ точки зрѣнія Милюкова, авторитета. Тѣмъ не менѣе, ея цѣнность, въ томъ смыслѣ, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, отнюдь не мѣняется и ея значеніе, какъ «штурмового сигнала » и какъ революціоннаго «лозунга», не уменьшается.

---

*) См. П. Н. Милюковъ. «Исторія второй русской революціи». 1921 г. Стр. 31-33.

**) Тамъ-же, стр. 33-34.

***) См. его фельетонъ въ «Посл. Нов.» ном. 1363 (4 окт. 1924 г.).

Правда, признаніе въ плагіатѣ у Милюкова вырвалось слишкомъ поздно, именно, тогда, когда даже политическому младенцу видно, какія непоправимыя бѣдствія на Россію навлекла революція; когда всякому понятно, что тяжкимъ и позорнымъ преступленіемъ, а не «заслугой передъ Родиной», нужно считать всѣ тѣ дѣйствія, которыя породили смуту въ обществѣ; подорвали его довѣріе къ правительству и зародили сомнѣніе въ возможность побѣдоноснаго окончанія войны, безъ производства революціоннаго переворота.

Только теперь историкъ «второй русской революціи» находитъ возможнымъ болѣе подробно освѣтить нѣкоторыя обстоятельства, непосредственно относящіяся къ сущности его рѣчи. Нужно сказать правду, что дѣлаетъ онъ это лишь потому, что «на выясненіи этого вопроса теперь усиленно настаиваютъ его (мои) политическіе противники, пытаясь инкриминировать ему (мнѣ) рѣчь 1 ноября 1916 г., какъ сигналъ къ началу революціи». *) Время, когда можно было хвастливо заявлять: «мы низвергли правительство легко и скоро»... «мы вырвали власть изъ рукъ врага» **) — прошло.

Нынѣ исторія уже произнесла свой неумолимый приговоръ надъ дѣятелями февральской революціи и мы видимъ, какъ былъ наивенъ ея первый идеологъ, а нынѣ писатель мемуаровъ, Милюковъ, когда говорилъ, что «первую общественную власть, выдвинутую народомъ, не такъ то легко будетъ низ-

---

*) См. указан. фельетонъ въ «Посл. Нов.» (номеръ 1363).

**) См. его рѣчь 2 марта 1917 г., произнесенную въ Екатериненскомъ залѣ Гос. Думы передъ «моряками, солдатами и гражданами».

вергнуть, какъ свергли безсильную, старую власть». *)

Какая огромная доза революціоннаго легкомыслія заключается въ его утвержденіи, «что исторія не знаетъ другого правительства, столь грубаго, столь безчестнаго, столь трусливаго и измѣнническаго,какъ это низвергнутое правительство, покрывшее себя позоромъ и лишившее себя въ корнѣ симпатій и уваженія, которыя связываютъ всякое сколько-нибудь сильное правительство съ народомъ» **)

Какая злая иронія судьбы заключается въ этихъ пророческихъ словахъ Милюкова, ибо, представляя жалкую и бездарную каррикатуру на царское правительство, они, въ то же время, дали поразительно вѣрную характеристику будущаго временнаго правительства, членомъ котораго состоялъ самъ г. Милюковъ, правительства, которое заслужило дружное презрѣніе со стороны подавляющей массы русскаго населенія, исключая развѣ самихъ бывшихъ «министровъ», ихъ партійныхъ поклонниковъ и соратниковъ.

Можетъ ли говорить о «грубости» — очевидно, въ смыслѣ нарушенія законности, — царскаго правительства, членъ временнаго правительства, при которомъ были попраны всѣ элементарныя требованія политическихъ свободъ? При которомъ свобода слова, свобода печати, свобода личности, неприкосновенность жилища и переписки признавались лишь въ отношеніи революціонныхъ элементовъ? Когда умѣренные граждане не допускались въ члены политическихъ собраній; когда ихъ газеты закрывались однимъ росчеркомъ пера многочисленныхъ министровъ; когда ихъ

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же.

типографіи конфисковались, когда тюремъ царскаго правительства не хватало для содержанія въ нихъ офицеровъ, чиновъ царской полиціи и прочихъ «враговъ народа», безъ объясненія имъ даже причинъ лишенія свободы?

Можетъ ли говорить о «трусости» царскаго правительства членъ правительства, министры котораго, въ тревожные іюльскіе дни, въ дни Корниловскаго выступленія и въ дни октябрьской революціи вели себя, какъ самые жалкіе трусы, находясь все время въ состояніи приступовъ паническаго страха? Храбрость революціонныхъ министровъ, какъ характерный образецъ, видна изъ слѣдующей картинки, нарисованной Савинковымъ, въ брошюрѣ «Къ дѣлу Корнилова».

«Въ Зимнемъ Дворцѣ царила растерянность. Терещенко подавалъ въ отставку. Некрасовъ предлагалъ передать всю власть с.-р. и с.-д. Нѣкоторые министры избѣгали ночевать дома. Юнкерскій караулъ приходилось смѣнять по нѣсколько разъ въ ночь, ибо юнкеровъ во Дворцѣ опасались».

Самъ глава правительства, Керенскій, въ опасные дни іюля и октября убѣгалъ изъ Петрограда и кончилъ свою карьеру бѣгствомъ, переодѣвшись, какъ говорятъ, въ форму сестры милосердія. Напомнимъ еще, что два первыхъ «народныхъ» министра, г.г. Милюковъ и Гучковъ, при первомъ же натискѣ уличной толпы, требовавшей ихъ удаленія, поспѣшили немедленно уйти отъ опасности противодѣйствія ими же революціонизированной черни и подали въ отставку. Можно ли усмотрѣть въ ихъ поспѣшномъ бѣгствѣ со своего «поста», какъ принято было тогда выражаться, проявленія личной храбрости и гражданскаго долга?

Можетъ ли говорить объ измѣнѣ царскаго правительства членъ временнаго правительства, которое сознательно развратило армію; приняло въ свои братскія объятія цѣлые поѣзда нѣмецкихъ шпіоновъ и министръ иностранныхъ дѣлъ котораго, Милюковъ, усиленно добивался пропуска Англіей въ Россію Чичерина, Бронштейна-Троцкаго, Валлаха-Литвинова и т. п. господъ? Можетъ ли говорить объ измѣнѣ царскаго правительства своимъ союзникамъ г. Милюковъ, послѣ того, какъ онъ убѣждалъ вождя Добровольческой Арміи, генерала Алексѣева, членовъ своей партіи и другихъ политическихъ дѣятелей, отказаться отъ союза съ Антантой; «вступить въ переговоры съ германцами и принять ихъ поддержку», ибо «военные должны прислушиваться къ голосу политика»; ибо «въ политикѣ нѣтъ аксіомъ годныхъ для всякаго времени»; ибо «мы наканунѣ второго Седана: Германія поставитъ Францію на колѣни», а потому «необходимо считаться съ существующимъ положеніемъ и пересмотрѣть наши отношенія къ Германіи?» *)

Исторія многому учитъ даже лицъ, страдающихъ политической слѣпотой. Поэтому неудивительно, что и послѣ приведенной характеристики царскаго правительства, данной ему Милюковымъ, передовикъ «Послѣднихъ Новостей», въ день четвертой годовщины большевистской диктатуры, изрѣкъ:

«Вмѣсто ожидавшейся эры свободы, Россія вновь попала во власть самодержавія въ худшей формѣ и пережила періодъ насилія и безправія, передъ которымъ блѣднѣютъ худшіе моменты старой монархіи». Впрочемъ, политическое отрезвленіе Милюковской газеты

---

*) См. «Нов. Вр.» ном. отъ 10 мая, 2 и 10 іюня 1921 г. и «Общее Дѣло» отъ 9 апр. 1921 г.

не идетъ далѣе степени отрезвленія кронштадтскихъ матросовъ, которые въ своей декларацiи, выпущенной по поводу возстанія противъ совѣтской власти, также пришли къ заключенію, «что 3 года большевицкаго насилія затмили угнетенія трехъ вѣковъ царизма», ибо въ Россіи господствуетъ «полицейская палка коммунистическаго самодержавія».

При такой оцѣнкѣ конечныхъ плодовъ февральской революціи, естественно, что и среди ея дѣятелей происходитъ переоцѣнка цѣнностей и нерѣдко тѣ поступки, которые, на зарѣ революціонной эры, трактовались, какъ «заслуга передъ Родиной», нынѣ усиленно замалчиваются, если даже честь авторства ихъ не переносится на счетъ другихъ лицъ, либо на счетъ безсознательной стихіи. Такъ, г. Милюковъ основную мысль своей рѣчи, обвиненіе правительства въ измѣнѣ, приписываетъ авторству А. И. Хвостова. Къ сожалѣнію, на основаніи тѣхъ 7 словъ изъ этой рѣчи, которыя цитируетъ Милюковъ въ своемъ фельетонѣ, трудно судить о томъ, что хотѣлъ сказать и о чемъ говорилъ Хвостовъ. Въ порывѣ самооправданія, Милюковъ идетъ дальше и старается совершенно обѣлить себя, доказывая, что всѣ его тогдашнія дѣйствія и рѣчи явились «независимо отъ его воли», такъ какъ онъ, какъ «отдѣльная личность пересталъ принадлежать себѣ».

«Кому приходилось служить подмостками, — пишетъ онъ, — по которымъ прошла исторія, тѣ хорошо понимаютъ, что въ такіе моменты отдѣльная личность перестаетъ принадлежать себѣ и персональные акты начинаютъ жить своей особой жизнью, независимо отъ воли лица, совершившаго актъ. Всякія

личныя объясненія тутъ безполезны». *). Этой, довольно туманной, фразой Милюковъ хочетъ сказать весьма простую и общеизвѣстную истину, а именно ту, что въ жизни общества бываютъ періоды массового возбужденія, когда отдѣльныя лица теряютъ свою индивидуальность, заражаются господствующимъ настроеніемъ толпы, вслѣдствіе чего утрачиваютъ способность волевыхъ дѣйствій, являющихся отличительной особенностью нормальнаго человѣка. Естественно, что въ такіе періоды массового возбужденія, индивидуальная отвѣтственность единицъ зависитъ въ значительной степени отъ направленія дѣятельности всей совокупности лицъ, составляющихъ данную массу.

Въ этомъ смыслѣ вѣрно, что въ періоды обостренныхъ чувствъ массъ «отдѣльная личность перестаетъ принадлежать себѣ» и совершаетъ акты «независимо отъ своей воли». Но это все вѣрно лишь въ отношеніи зауряднаго, средняго обывателя, быстро теряющаго свою индивидуальность, ибо природа уготовила ему роль рядовой овцы «Панургова стада», лишивъ способности психическаго противодѣйствія, основаннаго на твердости воли. Но оцѣнка наша должна совершенно видоизмѣниться, разъ мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, желающимъ играть роль общественнаго вождя, либо выдвинутаго на первый планъ политической авансцены стихійной волной массового психоза. Истинный народный вождь, каковыми являлись всѣ историческіе герои, стоитъ выше толпы, выше ея страстей и настроеній, такъ какъ, будучи порожденіемъ коллективной психологіи, онъ, въ дальнѣйшей сво-

---

*) См. фельетонъ г. Милюкова, «Посл. Нов.» номеръ 1363.

сй дѣятельности, становится жизненнымъ центромъ массъ, ихъ вдохновителемъ, ихъ героемъ, дающимъ массамъ и чувство и желаніе, а главное — волю. Про такихъ лицъ мы можемъ сказать, что толпа въ ихъ рукахъ — игрушка. Она безлична, она не имѣетъ своей воли и своихъ желаній, ибо ея воля и ея желанія — суть воля и желаніе ея вождя.

Изъ сказаннаго ясно, что въ безличной, въ безвольной и въ полусознательной массѣ, въ періодъ ея возбужденія, индивидуаленъ и сознателенъ только ея вождь, который поэтому, естественно, и является отвѣтственнымъ не только за всѣ свои дѣйствія, слова и поступки, но и за дѣйствія, слова и поступки, которыя совершаютъ массы, слѣдуя внушеніямъ своего вожака. Итакъ, обращаясь къ конкретному факту, произнесенія Милюковымъ его рѣчи 1 ноября 1916 года, мы должны рѣшить слѣдующую дилемму: либо Милюковъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и желалъ наступленія опредѣленныхъ послѣдствій, бросая «штурмовой сигналъ» въ массы, болѣзненно наэлектризованныя фактомъ состоянія войны, либо онъ, въ дѣйствительности, былъ очереднымъ демагогомъ, случайно выброшеннымъ на поверхность политическаго моря мутной волной взбаломученныхъ страстей. Если принять второе рѣшеніе, то тогда, конечно, нужно признать, что 1 ноября 1916 года Милюковъ «не принадлежалъ себѣ» и всѣ его дѣйствія «жили своей особой жизнью, независимо отъ воли» и желанія самого Милюкова.

Намъ кажется, что ни одно изъ этихъ предположеній, въ ихъ чистомъ видѣ, принять нельзя. Не считая Милюкова политическимъ свѣтиломъ первой величины, мы все же полагаемъ, что онъ обладаетъ такой степенью во-

ли и индивидуальности, чтобы быть лично отвѣтственнымъ за свою рѣчь 1 ноября и вообще за всю свою дѣятельность по борьбѣ съ правительствомъ во время войны. Именно этому вопросу и будутъ посвящены нижеслѣдующія строки.

Въ рѣчи Милюкова имѣется одна здравая мысль. Именно, онъ сказалъ несомнѣнную истину, утверждая, что «нельзя вести войну внутри страны, если вы ее ведете на фронтѣ».

Казалось бы, что сознаніе этой святой истины обязывало всякаго серьезнаго политическаго дѣятеля, привыкшаго нести нравственную отвѣтственность за свои поступки, къ особой осторожности при осужденіи дѣятельности должностныхъ лицъ, въ особенности, если эти лица являются членами правительства. Нельзя ни на минуту упускать изъ виду, что «война несомнѣнно нарушаетъ нормальную жизнь страны и благопріятствуетъ внутренней смутѣ, могущей перейти въ революцію», какъ правильно констатировалъ отмѣченный фактъ г. Милюковъ, въ недавнемъ своемъ публичномъ выступленіи. *)

Прежде, чѣмъ бросать съ высоты трибуны Государственной Думы обвиненія по адресу правительства въ національной измѣнѣ, въ провокаціи, глупости и злонамѣренности, Милюкову надлежало бы подумать надъ рѣшеніемъ основного вопроса, встававшаго на пути его оппозиціонной дѣятельности: требовало ли благо Родины оставить въ покоѣ существующее правительство, предоставляя ему полную возможность, въ согласіи съ союзниками, дѣлать свое дѣло и довершить, худо ли, хо-

---

*) См. отчетъ о «преніяхъ по докладу И. Демидова» («Посл. Нов.» 13 сент. 1924 г.).

рошо ли, веденіе войны до побѣды, или же, наоборотъ, во имя этого блага, можно было рискнуть «нарушить нормальную жизнь страны», толкнувъ ее на путь недовольства и недовѣрія правительствомъ и тѣмъ содѣйствовать наступленію революціи, со всѣми неожиданными послѣдствіями, свойственными революціоннымъ бурямъ?

Если бы Милюковъ былъ болѣе глубокій и прозорливый политическій дѣятель и болѣе горячій патріотъ, то любящее Родину сердце и бодрствующій на стражѣ ея насущныхъ интересовъ умъ подсказали бы ему правильное рѣшеніе. Тѣмъ болѣе, что незадолго до того имѣвшая мѣсто его заграничная поѣздка давала достаточно матеріала для спокойнаго, всесторонняго и трезваго рѣшенія вопроса о шансахъ союзниковъ на побѣдоносное окончаніе войны, при минимальномъ напряженіи силъ со стороны Россіи. Теперь то мы знаемъ, какъ близки мы были къ полному разгрому Германіи, даже, при условіи только пассивнаго участія русской арміи въ общемъ фронтѣ союзниковъ, участія, которое было вполнѣ намъ по силамъ, ввиду тѣхъ огромныхъ запасовъ оружія и снарядовъ, которые были заготовлены правительствомъ ко дню начала революціи, «штурмовой сигналъ» къ началу которой данъ былъ Милюковымъ еще 1 ноября 1916 года. Да, теперь-то мы знаемъ, какъ близко было наше національное торжество и какъ оно было возможно. Но могъ ли Милюковъ знать это соотношеніе силъ борющихся армій, въ моментъ произношенія свой рѣчи?

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ только утвердительно. Милюковъ, во время своей заграничной поѣздки,посѣтилъ какъ Скандинавскія страны,такъ и союзныя намъ государства. Тамъ, въ союзномъ станѣ, онъ долженъ былъ

видѣть, какія гигантскія приготовленія къ рѣшительному бою были сдѣланы нашими союзниками; онъ долженъ былъ наблюдать тотъ высокій патріотическій подъемъ, который царилъ среди нашихъ союзниковъ и который рѣшительно всѣхъ заставлялъ вѣрить въ близкій и полный разгромъ Германіи. Въ Скандинавіи Милюковъ долженъ былъ констатировать значительное охлажденіе симпатій къ нѣмцамъ, такъ какъ и въ Швеціи, и въ Даніи, и въ Норвегіи, ко времени посѣщенія ихъ Милюковымъ, общественное мнѣніе уже чувствовало неизбѣжность германскаго краха.

Все это долженъ былъ видѣть политическій дѣятель, смотрѣвшій на ходъ историческихъ событій сквозь призму истины, а не руководствуясь только ненасытной жаждой честолюбія, толкавшаго его на борьбу съ правительствомъ, чтобы взамѣнъ существующаго министерства сформировать другое, при своемъ участіи, а, быть можетъ, и даже при своемъ премьерствѣ.

Пишущій эти строки находился въ Скандинавіи въ моментъ произнесенія Милюковымъ разбираемой его рѣчи и признаюсь, наши впечатлѣнія о вѣроятномъ окончаніи войны получились совершенно противоположныя тѣмъ, которыя тревожили проникновенный умъ этого трибуна. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ нашего доклада «по заграничной командировкѣ», представленнаго въ Ставку 28 ноября 1916 года, за ном. 207. Въ этомъ докладѣ, между прочимъ, значится:

«По свидѣтельству нейтральныхъ коммерсантовъ, ведущихъ торговыя сношенія съ Германіей, а равно изъ опроса бѣжавшихъ изъ плѣна нашихъ солдатъ, напряженіе, дѣлаемое

въ настоящее время Германіей, едва ли не достигло кульминаціоннаго пункта. Вѣра въ побѣду Германіи надъ противниками ея пропала не только среди Скандинавскихъ странъ, но даже среди военныхъ круговъ и среди широкой публики самой Германіи. Однако, несмотря на сознаніе серьезности своего положенія, германскій народъ, объединившись вокругъ своего правительства, рѣшилъ бороться и впредь съ той же энергіей, съ которой нашъ противникъ велъ борьбу до сего времени, надѣясь длительнымъ упорствомъ утомить своихъ враговъ и заставить ихъ вступить въ мирные переговоры.

«Наибольшее безпокойство вызываетъ въ Германіи вопросъ о народномъ продовольствіи. Дѣйствительно, Германія, несмотря на исключительно счастливый урожай минувшаго года, не можетъ прожить до новаго урожая средствами своихъ и оккупированныхъ земель. Управленіе продовольственнаго диктатора сознаетъ, что уменьшеніе количества дневного питанія не разрѣшаетъ грознаго вопроса, а является лишь палліативнымъ средствомъ къ отдаленію военной катастрофы.

«Развивъ государственный утилитаризмъ до крайнихъ предѣловъ, германское правительство считаетъ, что право на прокормленіе имѣютъ лишь тѣ граждане, которые приносятъ какую-либо пользу въ дѣлѣ обороны страны. Исходя изъ этого принципа, германскія власти насильственно реквизируютъ у населенія пищевые продукты, распредѣляя ихъ среди войскъ и лицъ, занятыхъ работой на нужды арміи.

«Хотя проведеніе этой продовольственной системы ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе Германіи, но, къ чести нашего противника, должно замѣтить, что широкія массы на-

селенія мирятся со все возростающей тяготой жизни, сознавая, что жертвы, приносимыя ими, идутъ на благо и спасеніе Родины.

«Дневная порція пропитанія населенія и арміи строго регламентирована и, если армія живетъ впроголодь, то населеніе Германіи голодаетъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Количество домашняго обѣда не можетъ превышать опредѣленной нормы; карточки же, опредѣляющія право полученія обѣда въ ресторанахъ, во-первыхъ, не обезпечиваютъ дѣйствительнаго полученія обѣда, за недостаткомъ пищевыхъ продуктовъ, а, во-вторыхъ, количество пищи, опредѣленной на одну порцію, столь незначительно, что для полнаго удовлетворенія голода требуется съѣсть два-три обѣда, что совершенно недостижимо. Неудивительно, поэтому, что средній вѣсъ человѣка въ Германіи значительно убавился, каковое обстоятельство гибельно отражается на здоровьѣ населенія, въ особенности, дѣтей, смертность которыхъ въ настоящее время составляетъ народное бѣдствіе Германіи.

«По мнѣнію моему, германское правительство сознаетъ, что разрѣшеніе вопроса о продовольствіи арміи и населенія выше его силъ, почему оно дѣлаетъ въ послѣднее время гигантскія усилія, могущія, однако же, привести Германію къ соціальному краху, чтобы подготовить къ веснѣ новые грандіозные кадры и попробовать добиться гдѣ-либо рѣшительнаго успѣха надъ союзными арміями, чтобы создать себѣ предлогъ къ началу переговоровъ о мирѣ. Донося о вышеизложенномъ, я имѣю въ виду первый опытъ, извѣстный исторіи человѣчества — опытъ введенія всеобщей трудовой повинности, подъ надзоромъ чиновъ военнаго вѣдомства. Пока лишь осуществлена трудовая повинность мужчинъ, въ возрастѣ,

примѣрно, отъ 16 до 60 лѣтъ, но уже изъ смысла германской печати послѣдняго времени видно, что правительство помышляетъ о принудительномъ привлеченіи и женщинъ къ общественному труду.

«Хотя германское населеніе сравнительно спокойно приняло законъ о всеобщей трудовой повинности, однако, покорность народа еще не есть радикальное рѣшеніе вопроса. Существуютъ законы природы, превзойти которые выше силъ человѣческихъ. Однимъ изъ таковыхъ законовъ является извѣстный предѣлъ государственной напряженности и въ этомъ смыслѣ должно сказать, что Германія, едва ли, не перешагнула за грань дозволеннаго.

«Къ счастью для насъ, темпъ жизни страны, а равно боевой дѣятельности арміи, роковыми нитями связаны съ успѣшнымъ использованіемъ организованныхъ въ мирное время средствъ сношеній и способовъ передвиженій. Именно, въ этой области германское правительство начинаетъ испытывать затрудненія, каковое обстоятельство не можетъ не отразиться на успѣшномъ ходѣ военныхъ операцій «побѣдоносныхъ» армій средне-европейской коалиціи.

«Нельзя упускать изъ виду, что сокращеніе торгово-промышленныхъ операцій должно компенсироваться улучшеніями, именно, въ области сношеній и передвиженій, въ предѣлахъ государства. Между тѣмъ, германское правительство, — о чемъ откровенно говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту трудовой повинности, — постепенно закрывая торгово - промышленныя предпріятія, по степени ихъ полезности для дѣла обороны страны, и сокращая общественную производительность, должно, даже ранѣе назначеннаго

срока, приступить къ ограниченію свободы передвиженій и почтово-телеграфныхъ сношеній населенія. Трудно сказать въ какой степени всѣ отмѣченныя обстоятельства скажутся на обороноспособности нашего врага, но уже и теперь можно предполагать, что подобное гигантское насиліе надъ вѣковымъ укладомъ народной жизни должно создать для правительства этой страны неожиданныя разочарованія.

«Нашъ противникъ потерялъ надежду, при теперешнемъ положеніи вещей, достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ на поляхъ битвъ, но онъ не потерялъ увѣренности въ силѣ своего сопротивленія, которое, по мнѣнію, какъ нѣмцевъ такъ и Скандинавскихъ странъ, можетъ продолжаться до тѣхъ поръ,пока страна не будетъ окончательно истощена голодомъ, для предотвращенія чего требуется постоянный притокъ извнѣ продуктовъ продовольствія, такъ какъ собственная производительность страны недостаточна.

«Первымъ и наиболѣе важнымъ послѣдствіемъ закона о всеобщей трудовой повинности, какъ я полагаю, будетъ безусловное уменьшеніе средствъ питанія, такъ какъ значительная часть мужчинъ, занятыхъ на полевыхъ и хозяйственныхъ работахъ дома, за неспособностью нести военную службу, будутъ оторваны отъ полей и поставлены за машинный станокъ. Такимъ образомъ, какъ видно, Германія попала въ заколдованный кругъ: желая увеличить численность армій, она уменьшаетъ количество добываемаго въ странѣ продовольствія и, наоборотъ, желая увеличить послѣднее, она должна мириться съ численной недостаточностью своихъ вооруженныхъ силъ.

«Исходя изъ вышеизложеннаго, я полагаю,

что задача, выпавшая на нашу долю и на долю нашихъ союзниковъ, отнюдь не заключается въ томъ, чтобы стремиться къ военному разгрому германскихъ армій, а въ томъ, чтобы окончательно пресѣчь доступъ продовольственной контрабанды въ предѣлы воюющихъ съ нами странъ, что заставитъ Германію капитулировать, не будучи разбитой на поляхъ сраженій».

Будучи заграницей, Милюковъ совершенно просмотрѣлъ и боевую мощь нашихъ союзниковъ и неизбѣжное приближеніе нѣмецкаго краха и общее сознаніе скораго окончанія войны. Зато онъ очень твердо запомнилъ и принялъ къ свѣдѣнію всю ту пропаганду, въ видѣ пасквилей, слуховъ и сплетень, которую вели нѣмецкія газеты противъ своего врага, въ лицѣ русскаго правительства. Со стороны нѣмцевъ было такъ естественно дискредитировать русскихъ государственныхъ дѣятелей, ибо, съ одной стороны, они этимъ способомъ поднимали бодрость духа своихъ соотечественниковъ, а, съ другой стороны, расчитывали на то, что ихъ голосъ будетъ услышанъ русскими революціонерами, которые используютъ его въ борьбѣ съ Россійскимъ правительствомъ. Нужно сознаться, что надежды нѣмцевъ оправдались въ большемъ масштабѣ, чѣмъ они могли объ этомъ думать, въ тотъ періодъ времени. Дѣйствительно, лживая нѣмецкая пасквиль не только была услышана въ Россіи, но ее, какъ непреложную истину, объявили для всеобщаго свѣдѣнія съ высоты парламентской трибуны. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, эти простыя истины не пришли въ голову вождя оппозиціи, когда онъ приводилъ въ своей рѣчи цитаты изъ нѣмецкихъ газетъ о томъ, что «Штюрмеръ, несомнѣнно, принадлежитъ къ кругамъ, которые

смотрятъ на войну съ Германіей безъ особаго воодушевленія»; что «Штюрмеръ сталъ человѣкомъ, который удовлетворяетъ тайныя желанія правыхъ, вовсе не желающихъ союза съ Англіей»; что «онъ не будетъ утверждать, какъ Сазоновъ, что нужно обезвредить прусскую военную каску», что «Штюрмеръ не обѣщалъ, что безъ Константинополя и проливовъ онъ никогда не заключитъ мира»; «что въ серединѣ іюля было засѣданіе въ Ставкѣ, на которомъ обсуждалась возможность заключенія (сепаратнаго) мира» и т. д., и т. д.

Милюкову и его приснымъ отнюдь не казалось страннымъ, что русскій политическій дѣятель, выступая, во время войны, въ открытомъ засѣданіи Государственной Думы съ рѣчью, направленной противъ существующей власти, главный свой обвинительный матеріалъ черпалъ изъ нѣмецкой, т. е. вражеской пропаганды.

Если же изъ рѣчи Милюкова выбросить матеріалъ, заимствованный имъ изъ нѣмецкой печати, то окажется, что, произнося свою рѣчь, онъ не располагалъ никакими фактами, которые давали бы ему хотя бы нѣкоторое моральное основаніе бросать по адресу бывшаго правительства столь тяжкія и позорныя обвиненія. Дѣйствительно, если вчитаться внимательно въ текстъ рѣчи, то окажется, что Милюковъ запугивалъ русское общество всего лишь образами своего болѣзненнаго воображенія, принявшаго «темные» слухи и базарныя сплетни за явленія реальной жизни. Все фактическое обоснованіе рѣчи Милюкова базируется на «инстинктивномъ голосѣ всей страны и ея субъективной увѣренности»; на «общемъ впечатлѣніи»; на «чувствахъ и настроеніяхъ» общества и, наконецъ, на своихъ собственныхъ «отдѣльныхъ впечатлѣніяхъ».

Вотъ всѣ тѣ источники освѣдомленія, которые дали Милюкову информацію, легшую въ основу его рѣчи. Правда, въ своей «исторіи», онъ указываетъ еще одно основаніе, послужившее поводомъ къ предпринятому имъ шагу. Это — «слухи», которые «ходили о германофильскихъ связяхъ Штюрмера и о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ его агентовъ, помимо пословъ заграницей. Все это, продолжаетъ историкъ, при общеизвѣстной склонности правыхъ круговъ къ сближенію съ Германіей и къ возможно скорому выходу изъ войны, изъ страха передъ грядущей революціей, сообщало правдоподобіе слухамъ и вызывало усиленное вниманіе къ нимъ въ кругахъ общества, все болѣе широкихъ».

«Новую пищу эти слухи получили» въ связи съ назначеніемъ Протопопова министромъ внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ «думскіе круги были поражены». *) Это удивленіе членовъ Думы, надо полагать, объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, какъ говорилъ Милюковъ 1 ноября, что А. Д. Протопоповъ обладалъ «качествомъ, хорошо извѣстнымъ старымъ знакомымъ, — его неумѣніемъ считаться съ послѣдствіями своихъ собственныхъ поступковъ».

Хотя приведнные слова оратора сопровождались смѣхомъ слушателей и возгласами: «хорошій цензъ для министра», — но смѣяться-то могъ кто угодно, только отнюдь не члены Государственной Думы, такъ какъ они сами дважды передъ тѣмъ наградили Протопопова знаками своего довѣрія, вниманія и уваженія, а именно: выбирая его товарищемъ предсѣдателя Государственной Думы и назна-

*) См. его «Исторію», стр. 31-32.

чая его предсѣдателемъ русской парламентской делегаціи, посѣщавшей лѣтомъ 1916 года союзныя намъ страны. Осмѣивая Протопопова, какъ министра, и члены Думы и самъ сраторъ уподоблялись гоголевской унтеръ-офицерской вдовѣ.

И такъ, слухи, слухи, и слухи. Вотъ истинный вдохновитель милюковской филиппики. Но развѣ серьезный, вдумчивый и патріотичный парламентарій можетъ строить свою рѣчь на столь зыбкомъ и обманчивомъ фундаментѣ? Развѣ можно придавать какое-либо значеніе «темнымъ слухамъ», хотя бы они носили личину «правдоподобія», не провѣривъ ихъ надлежащимъ способомъ? Тѣмъ болѣе преступно для политическаго дѣятеля пользоваться этимъ оружіемъ во время войны, которая «несомнѣнно нарушаетъ нормальную жизнь страны и благопріятствуетъ внутренней смутѣ, могущей перейти въ революцію» (Милюковъ). Политическій тактъ и любовь къ Родинѣ обязывали, казалось бы, осторожно оперировать съ той массой слуховъ, которые порождались войной, такъ какъ значительная часть этихъ слуховъ распускалась непріятельскими агентами, въ цѣляхъ веденія пораженческой и революціонной пропаганды. Оперировать этими слухами, значило играть въ руку непріятеля; значило — исполнять роль маріонетки, танцующей революціонный канканъ по прихоти дирижерской палочки Берлина.

Не знаемъ, понялъ ли, наконецъ, Милюковъ, что именно онъ сдѣлался жертвой непріятельской провокаціи, но, во всякомъ случаѣ, въ статьѣ: «Какъ пришла революція», онъ пишетъ:

«Позднѣе, однако, я началъ подозрѣвать, что помимо Протопопова и полиціи тутъ есть и

другая рука... Если вспомнить, что пропаганда революціонныхъ вспышекъ и разложенія войскъ рекомендовались уже въ началѣ 1915 года секретными германскими документами, то не найдемъ ничего апріори невѣроятнаго въ предположеніи, что уже до 27 февраля эта темная рука сыграла свою роль въ переворотѣ». *)

И съ такими-то сомнительными данными Милюковъ рѣшился бросить по адресу правительства, въ полномъ его составѣ, обвиненіе въ государственной измѣнѣ! Позднѣе, сознавъ, очевидно, абсурдность и преступность своихъ словъ, Милюковъ пытается смягчить ихъ истинный смыслъ и, напримѣръ, въ своей «Исторіи» онъ уже пишетъ:

«Перечисляя одинъ за другимъ, всѣ главнѣйшіе шаги правительства, возбуждавшіе общественное недовольство, ораторъ при каждомъ случаѣ спрашиваетъ аудиторію: «глупость это или измѣна?» И, хотя ораторъ скорѣе склонялся къ первой альтернативѣ, аудиторія своими одобреніями поддерживала вторую». **) Однако, точный смыслъ рѣчи не оставляетъ сомнѣнія въ ея истинной сущности, которая ярко проявляется, хотя бы въ слѣдующихъ фразахъ:

«Нѣтъ, господа, воля ваша, ужъ слишкомъ много глупости! Какъ будто трудно объяснить все это только одной глупостью», — то-есть, иными словами, для уразумѣнія нѣкоторыхъ шаговъ правительства, Милюковъ считалъ необходимость допустить наличіе и измѣны. Да, слово «измѣна» было произнесено Милюковымъ и было ассоціировано имъ съ дѣйствіями правительства. По существу же,

---

*) См. «Послѣд. Нов.» 12 марта 1921 г.
**) См. его «Исторію», стр. 33.

это обвиненіе было, опять-таки, только слухомъ, сплетней, которые массами циркулировали въ обществѣ, но которые производили на массы очень малое впечатлѣніе, ибо всѣ эти сплетни слышали, всѣ ихъ передавали лично и всѣ прекрасно сознавали, что эти «темные», неясные и неизвѣстно откуда идущіе слухи, не имѣютъ подъ собою рѣшительно никакого основанія. 1-го ноября Милюковъ собралъ во-едино всѣ разнорѣчивые слухи, придалъ безсмысленному хаосу сплетенъ видимость опредѣленнаго содержанія; обработалъ ихъ съ внѣшней стороны; подвелъ подъ нихъ фундаментъ кажущагося правдоподобія и озаглавилъ ихъ однимъ словомъ — измѣна! Не удивительно поэтому, что это крылатое слово, не дающее чести оратору, по его же признанію, превратилось въ «лозунгъ» дня, конечно, въ революціонный лозунгъ, ибо оно конкретизировало лживыя обвиненія правительства и оправдывало, хотя бы на взглядъ наивныхъ людей, подпольную дѣятельность революціонныхъ элементовъ. Вокругъ этого «лозунга» объединились самые разнообразные слои общества, по тѣмъ либо инымъ причинамъ, недовольные правительствомъ, что значительно увеличивало революціонную опасность, такъ какъ только съ момента усвоенія массами общаго символа вѣры, дѣлается возможность единства ихъ дѣйствій.

Въ своемъ неистовомъ наскокѣ на правительство, Милюковъ перешелъ всѣ разумныя грани дозволеннаго и не удержался даже отъ обвиненія въ измѣнѣ нынѣ покойной Императрицы. Какія же данныя имѣлъ въ своемъ распоряженіи Милюковъ, чтобы осмѣлиться высказать это чудовищное, для нормальнаго человѣка, обвиненіе? Оказывается, источники милюковскаго освѣдомленія и въ этомъ чрез-

вычайномъ пунктѣ все тѣ-же: нѣмецкая печать, которая дала ему «н ѣ к о т о р о е основаніе думать», что «придворная партія, которая группировалась возлѣ молодой Царицы» имѣла «желаніе подготовить путь къ сепаратному миру». Теперь, прочтя письма покойной Императрицы, мы видимъ до какой степени нелѣпа, глупа и преступна попытка приписывать Александрѣ Федоровнѣ даже мысль «подготовить путь къ сепаратному миру», помимо желанія страны. Но и въ то время, нужно было обладать пошлымъ умомъ политическаго демагога, чтобы додуматься до «тяжеловѣснаго обвиненія» въ такой низости жены царствующаго Императора!

Бросая гнусную клевету по адресу Царицы, Милюковъ, въ сущности, нападалъ на беззащитную женщину, такъ какъ онъ, конечно, былъ увѣренъ, что она не унизится до самооправданія и не позволитъ въ судебномъ порядкѣ опровергнуть злонамѣренно распускаемую ложь.

А между тѣмъ, «ядовитое сѣмя подозрѣнія», нагло брошенное съ парламентской трибуны зарвавшимся демагогомъ, имѣло трагическія послѣдствія, ибо оно, это «ядовитое подозрѣніе», обусловило психологчиескую возможность возбужденія временнымъ правительствомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ не только въ отношеніи Царицы, но и Царя. Нѣтъ сомнѣнія, что это распоряженіе временнаго правительства является наиболѣе позорнымъ, наиболѣе низкимъ и наиболѣе циничнымъ актомъ кратковременныхъ временщиковъ, наложившимъ на нихъ несмываемую печать трусости и презрѣнія. Какъ видно, Милюковская клевета «дала обильные плоды!»

Итакъ, пафосъ милюковской рѣчи 1-го ноября заключался въ самой безпринципной и

беззастѣнчивой клеветѣ. Клевета эта была настолько ясна и очевидна, что, несмотря на всѣ старанія Муравьевской «чрезвычайки», «согласно (полученному) заданію, втиснуть дѣятельность Штюрмера, Протопопова, Щегловитова и т. д. въ рамки статей уголовнаго закона», эта почтенная комиссія должна была прійти къ заключенію, что «предъявленныя петропавловскимъ сановникамъ обвиненія часто поражаютъ кажущимся убожествомъ». *)

«Въ лучшемъ случаѣ, разсуждаетъ мартовскій судья, при счастливѣйшемъ для комиссіи исходѣ, она найдетъ у какого-нибудь Штюрмера еще не погашенную давностью взятку **), у Щегловитова или Протопопова — какое-либо превышеніе или бездѣйствіе власти (пресловутыя обвиненія, которыя въ любое время можно предъявить любому должностному лицу, по любому поводу). Дни такихъ «открытій» будутъ праздниками для чиновъ комиссіи, днями радости и облегченія для ихъ судейской совѣсти». ***) Вотъ всѣ грозныя и тяжкія обвиненія, которыя установила муравьевская «чрезвычайка» въ отношеніи чиновъ свергнутаго правительства на 6-й мѣсяцъ усиленныхъ работъ «лучшихъ представителей адвокатуры, прокуратуры и магистратуры» ,получившихъ, почетное для судейскаго званія, «заданіе во что бы то ни стало втиснуть дѣятельность отставленныхъ революціей сановниковъ въ Прокрустово ложе уложенія о наказаніяхъ». ****)

Въ чемъ же заключались тѣ преступленія старой власти, о которыхъ говорилъ Милю-

---

*) См. статью члена Чрезвычайной слѣдственной комиссіи И. Зайцева. «День» 22 іюня 1917 года.

**) Въ дѣйствительности и этого установлено не было.

***) См. указанный ном. газеты «День».

****) См. указанный ном. газеты «День».

ковъ? Гдѣ же факты виновности правительства, которые бы давали Милюкову право и основаніе усумниться въ «патріотизмѣ и добросовѣстности» членовъ правительства; говорить о «вражеской рукѣ, тайно вліяющей на направленіе хода нашихъ государственныхъ дѣлъ»; объявлять о нарушеніи «даже прочности отношеній къ союзникамъ»; обвинять въ «провокаціи» и «въ участіи департамента полиціи въ волненіяхъ на заводахъ», дабы «намѣренно заниматься вызываніемъ народныхъ вспышекъ?»

Если бы доказательства всѣхъ этихъ преступленій правительства существовали въ природѣ, то онѣ неминуемо были бы раскрыты муравьевскими слѣдователями, дабы успокоить свою «революціонную» совѣсть.

Вѣрилъ ли въ виновность представителей государственной власти самъ Милюковъ, или же онъ произнесъ свою рѣчь съ единственной цѣлью заставить «уйти» правительство въ отставку, чтобы очистить себѣ и своимъ товарищамъ путь къ министерскимъ портфелямъ?

Что выступленіе Милюкова 1 ноября было по существу революціоннымъ актомъ, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. *) Вопросъ заключается лишь въ томъ, сознавалъ ли самъ Милюковъ то, что онъ подаетъ «штурмовой сигналъ» къ началу революціи? Въ на-

---

*) Уже послѣ окончанія брошюры, мы неожиданно нашли единомышленника въ лицѣ г-жи Кусковой. Хотя авторитетъ этой словоточивой соціалистической Пифіи не даспдостраняется дальше редакцій «Дней» и «Послѣднихъ Новостей», но въ данномъ случаѣ, приведемъ ея мнѣніе, какъ потому, что рѣчь идетъ о «Папѣ Милюковѣ», какъ называетъ его Кускова, съ нѣжностью, свойственной ея возрасту, такъ и потому, что мнѣніе ея напечатано въ газетѣ самого Милюкова. (См. «Посл. Нов.» отъ 5 декабря 1924 г.)

Г-жа Кускова пишетъ:

«Я не знаю, какое было отношеніе у П. Н. къ русскому монархизму, когда онъ произносилъ свою зна-

стоящее время Милюковъ готовъ отгородить себя отъ дѣятелей на революцію, до момента ея возникновенія. Такъ, въ одной изъ своихъ статей онъ пишетъ: «Мы, — я говорю за себя и за своихъ единомышленниковъ, — мы не хотѣли этой революціи. Мы особенно не хотѣли, чтобы она пришла во время войны. И мы отчаянно боролись, чтобы этого не случилось». *) Судя по его ноябрскому выступленію въ Государственной Думѣ, мы не можемъ понять, въ чемъ выразилась «отчаянная борьба» противъ революціи, тогда, какъ революціонные его призывы ясны и понятны. Вотъ образцы его борьбы съ революціей, почерпнутые изъ рѣчи 1 ноября:

«Мы потеряли вѣру въ то, что эта власть можетъ насъ привести къ побѣдѣ».

«Теперь мы видимъ и знаемъ, что съ этимъ правительствомъ мы также не можемъ законодательствовать, какъ не можемъ вести Россію къ побѣдѣ».

«Мы говоримъ правительству... мы будемъ бороться съ вами, будемъ бороться всѣми законными (?) средствами до тѣхъ поръ, пока вы не уйдете». Ну, а если правительство не послушаетъ совѣта Милюкова и «не уйдетъ», что тогда дѣлать оппозиціи? На этотъ вопросъ Милюковъ отвѣчаетъ:

менитую рѣчь въ Гос. Думѣ о направленіи внутренней политики двора и правительства («Глупость или измѣна?»). Я нахожу, что **при тогдашнихъ обстоятельствахъ эта рѣчь носила революціонный характеръ и гораздо болѣе подняла революціонное настроеніе русскаго общества, чѣмъ всѣ подпольныя манипуляціи большевиковъ...»**

Такъ говоритъ ближайшая сотрудница Милюкова — г-жа Кускова!

*) См. его статью въ «Посл. Нов.» 12 марта 1921 года.

«Я уже сказалъ: добивайтесь ухода этого правительства. Вы спрашиваете, какъ же мы начнемъ бороться во время войны? Да, вѣдь, господа, только во время войны они и опасны. Они для войны опасны: именно потому то во время войны и во имя войны, во имя того самаго, что насъ заставило объединиться, мы съ ними теперь боремся... Мы будемъ бороться, пока не добьемся той настоящей отвѣтственности правительства, которая опредѣляется тремя признаками нашей общей деклараціи... Кабинетъ, неудовлетворяющій этимъ признакамъ, не заслуживаетъ довѣрія Государственной Думы и долженъ уйти».

Въ этой, не столько наивной, сколько лицемѣрной, казуистикѣ заключается и признаніе законности революціонной борьбы за власть во время войны, и констатированіе факта ея начала, ибо ораторъ опредѣленно заявляетъ: «мы съ ними теперь боремся!». Итакъ, только что высказанная имъ-же золотая истина о томъ, что «нельзя вести войну внутри страны, если вы ее ведете на фронтѣ», — забыта! Теперь уже ораторъ призываетъ къ началу «внутренней войны», якобы во имя интересовъ внѣшней войны, забывая, что эти же самые интересы и шансы на выигрышъ внѣшней войны неизбѣжно пострадаютъ отъ факта начала внутренней неурядицы, борьбы съ правительствомъ и революціоннаго сопротивленія массъ населенія властямъ. Милюкову, вѣдь, хорошо было извѣстно положеніе нашей конституціи. Ему было извѣстно, что по основнымъ законамъ Россійской Имперіи у насъ не существуетъ парламентарнаго правительства, отвѣтственнаго передъ Государственной Думой. Ему должно было быть вѣдомо, что назначеніе

и увольненіе министровъ у насъ составляетъ прерогативу Верховной власти, а потому его требованіе отставки министровъ, не заслуживившихъ довѣрія Государственной Думы, — являлось либо пустой, безсодержательной буффонадой, разсчитанной на грошевый эффектъ, либо призывомъ къ революціонной борьбѣ противъ правъ короны, противъ существующей власти и противъ основныхъ законовъ. Другого вывода сдѣлать изъ его словъ нельзя, если не закрывать глазъ на истину. Мы не будемъ отрицать, что конструкція власти въ Россіи не была совершенна. Но нельзя было упускать изъ виду, что наша конституція существовала не вѣка, какъ въ Англіи или во Франціи, а всего лишь десять лѣтъ; что развитіе государства подчиняется законообразному процессу, что, если и въ мирное время «эволюція лучше революціи», — какъ сказалъ, если память намъ не измѣняетъ, соціалистъ Лоріа, — то во время войны эта истина должна считаться аксіомой, посягательство на которую составляетъ тяжкое преступленіе, именуемое государственной измѣной.

Милюковъ оказался бы лучшимъ патріотомъ, если бы открытіе внутренней борьбы за власть отложилъ до окончанія войны. Но, вѣдь, при этихъ условіяхъ являлось опасеніе, что побѣдоносная война успокоитъ взбаломученное море народныхъ страстей, доказавъ странѣ, что и существующій образъ правленія не настолько плохъ, чтобы надо было спѣшить съ его измѣненіями, а тѣмъ болѣе, прибѣгать къ революціонному насилію, не дожидаясь естественнаго хода эволюціоннаго развитія процесса формированія власти. Вѣдь при этихъ условіяхъ могло случиться, что министерскій портфель — мечта длиннаго ряда

лѣтъ — никогда не попадетъ въ руки лицъ, считающихъ себя прирожденными вождями народа. Революція же, наоборотъ, сулила лавры побѣдителя, а успѣхъ ея могъ быть либо теперь, либо никогда. По крайней мѣрѣ, эту мысль, со свойственнымъ ему цинизмомъ, развивалъ Карабчевскому «товарищъ» Милюкова — Керенскій, о чемъ первый и сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. («Что глаза мои видѣли».)

Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ личиной эзоповскаго стиля, Милюковъ сознательно бросилъ вызовъ правительству, призывая свою аудиторію на путь революціонной борьбы за власть. Впрочемъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ, хотя и недосказанныхъ, признаній самого Милюкова, изъ которыхъ видно, что онъ былъ участникомъ революціонныхъ дѣйствій, задолго до начала февральской революціи. Напримѣръ, въ упомянутой выше его статьѣ: «Какъ пришла революція» — онъ пишетъ: «Надо признаться, мы были неопытные революціонеры и плохіе заговорщики». Такъ, значитъ, хотя и безталанные, но все же были и заговорщиками и революціонерами! Но если теперь у Милюкова явилось сознаніе своей бездарности, то тогда, приступая къ революціоннымъ дѣйствіямъ, онъ со своими товарищами былъ смѣлъ и самонадѣянъ, самонадѣянъ до того, что, «зная ея (революціи) происхожденіе, слѣдя за ея приближеніемъ, они вѣрили въ возможность повліять на ея формы и внести въ стихійный процессъ извѣстную цѣлесообразность». Они «хотѣли измѣнить роковой ходъ процесса, винили однихъ, одобряли другихъ». «Винили», очевидно, членовъ правительства, «одобряли» и поощряли — «ословъ слѣва».

Вступая въ борьбу съ правительствомъ,

Милюковъ сознавалъ, какъ несвоевременность, такъ и несостоятельность своихъ посягательствъ, а потому понималъ, что «здѣсь встрѣтились два міра, безъ всякой способности и возможности пониманія, обреченные на конфликты, на борьбу, не знающіе другихъ средствъ, кромѣ истребленія другъ друга... Обѣ стороны понимали, что дѣло идетъ къ развязкѣ въ открытомъ бою» *) Онъ понималъ и сознавалъ неизбѣжность вызова своими дѣйствіями «развязки въ открытомъ бою», на внутреннемъ фронтѣ, во время германской войны и все же, сознательно шелъ на встрѣчу этой катастрофѣ, вовсе не думая при этомъ о будущихъ судьбахъ Россіи и ея населенія. Онъ принималъ участіе въ конспиративныхъ «обсужденіяхъ вопросовъ о роли Государственной Думы, въ случаѣ, если переворотъ совершится» **); онъ «лично участвовалъ въ нѣсколькихъ совѣщаніяхъ, намѣтившихъ, на случай революціи, которая всѣми признавалась неизбѣжной, составъ временнаго правительства». ***) Правда, какъ признается Милюковъ, переворотъ произошелъ не по программѣ, составленной заговорщиками, чему удивляться не приходится, ибо они, вѣдь, были «неопытные и плохіе революціонеры».

«Революція 27 февраля, оказывается, была не тѣмъ переворотомъ, который замышлялся и руководство которымъ могло быть удержано въ рукахъ иниціаторовъ. Тотъ переворотъ запоздалъ, случайно ли, или благодаря вялости, нерѣшительности, неприспособленности, чрезмѣрной лойяльности заговорщиковъ!» ****)

*) См. его статью въ «Посл. Нов.» 12 марта 1921 г.
**) Тамъ-же.
***) См. его фельетонъ въ «Посл. Нов.» 4 октября 1924 г.
****) См. «Посл. Нов.» 12 марта 1921 года.

Заговоры, конспирація и... лойяльность. Какое извращеніе понятій! Какое противоестественное сочетаніе словъ! Гдѣ есть заговоръ и конспирація противъ существующей власти, тамъ о лойяльности не можетъ быть и рѣчи. То, что Милюковъ въ данномъ случаѣ называетъ «лойяльностью», на языкѣ общепринятомъ нужно просто назвать трусостью, объ избыткѣ которой, у заговорщиковъ, свидѣтельствуютъ многія воспоминанія, относящіяся къ этой эпохѣ. Итакъ, заговоръ противъ правительства былъ, революція подготовлялась загодя, только плодами ея воспользовались другіе люди — болѣе наглые, болѣе дерзкіе и болѣе смѣлые. Однако же, первоначальные «заговорщики и революціонеры»занятыя ими позиціи хотя и сдали быстро, но не сразу. Они пытались еще бороться на поверхности разъяренной стихіи народныхъ страстей, но тщетно. Вотъ почему хвастливыя заявленія Милюкова 2 марта 1917 года передъ «моряками, солдатами и гражданами» о томъ, что «мы и наши друзья слѣва выдвинуты революціей, арміей и народомъ на почетное мѣсто членовъ перваго русскаго общественнаго комитета», мало подѣйствовали на умъ и совѣсть собравшихся товарищей, которые, усумнившись въ подлинности полученнаго «ими» мандата, спросили оратора:

«Васъ кто выбиралъ?» — на что Милюковъ долженъ былъ со стыдомъ признаться, что — «насъ никто не выбиралъ, ибо, если бы мы стали дожидаться народнаго избранія, мы не могли бы вырвать власть изъ рукъ врага» и не могли бы «низвергнуть правительство». *)

Во всѣхъ вышеприведенныхъ изрѣченіяхъ Милюкова заключается чистосердечное при-

*) См. «Временное народное правительство». Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

знаніе въ личномъ его участіи въ подготовкѣ революціи, по мѣрѣ силъ, способностей и разумѣнія, задолго до рокового дня 27 февраля 1917 года.

Вотъ почему насъ удивляетъ выступленіе въ его защиту со стороны праваго дѣятеля, г. В. Гурко, правда, побывавшаго ранѣе въ оппозиціонной Каносѣ, въ видѣ дани которой онъ оставилъ свое, нынѣ общеизвѣстное, изреченіе о «Россіи подъ хлыстомъ». (Рѣчь идетъ не о кнутѣ, а о сектантѣ.)

Фактически обосновывая участіе Милюкова въ различныхъ, болѣе или менѣе революціонныхъ, собраніяхъ еще съ 1904 года, г. Гурко вдругъ дѣлаетъ непонятный логическій скачекъ и заявляетъ: «Тѣмъ не менѣе я продолжаю утверждать, что г. Милюковъ въ 1917 г. революціи не желалъ, **сознательно** на нее не работалъ и даже старался по своему ее предотвратить». *)

Серьезно считаться съ утвержденіемъ г. Гурко, мы, естественно, не можемъ, ибо, какъ бы не относиться къ характеру дѣятельности Милюкова, но все же сомнѣваться въ наличіи у него полной степени сознанія послѣдствія своихъ поступковъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Между тѣмъ, ставъ на точку зрѣнія г. Гурко, мы естественно натолкнулись бы на вопросъ о вмѣняемости дѣйствующаго лица. Нѣтъ, г. Милюковъ хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ совершенно сознательно работалъ **на революцію** и эта его дѣятельность, безъ всякаго сомнѣнія, подлежитъ нормальной юридической оцѣнкѣ.

Исходя изъ положенія самого Милюкова, нужно считать неопровержимой истиной, что всякая неурядица, всякая смута и всякая

**) См. его фельетонъ въ «Вечернемъ Времени» 21 октября 1924 г.

борьба съ властью въ тылу дѣйствующихъ армій, ослабляетъ нашу боеспособность и увеличиваетъ непріятельскіе шансы на побѣду. Въ этомъ смыслѣ, нельзя отрицать, что всякая революціонная дѣятельность и обостренная борьба съ властью, образуя «внутренній фронтъ», прямо ли, косвенно ли, оказываетъ содѣйствіе противнику. Именно этого рода дѣятельностью, какъ мы видѣли выше, и занимался Милюковъ. Характеръ же и мотивы его поступковъ отнюдь не мѣняютъ юридическаго сущетсва его дѣятельности.

Чтобы оцѣнить, съ точки зрѣнія юридической квалификаціи, его рѣчь 1 ноября 1916 года, нужно имѣть въ виду, что по смыслу закона 5 іюля 1912 года о государственной измѣнѣ, объяснительной къ нему записки и постатейныхъ къ нему соображеній, для состава этого преступленія отнюдь не требуется наличія прямого умысла оказать извѣстную услугу непріятелю, находясь съ нимъ въ состояніи предварительнаго соглашенія. По нашему закону, составъ государственной измѣны налицо, при наличіи вообще вины умышленной. Т. е., для отвѣтствнености достаточно одного лишь преступнаго безразличія къ характеру своихъ дѣйствій, послѣдствіемъ которыхъ могъ быть нанесенъ вредъ военной оборонѣ Россіи, учинить который, однако же, непосредственно данное лицо могло и не хотѣть, но должно было предвидѣть возможность его наступленія.

Мотивы дѣятельности виновнаго для закона никакого значенія не имѣютъ. Для закона совершенно безразлично, — будетъ ли виновный дѣйствовать по соглашенію съ непріятелемъ или же онъ совершитъ подобныя дѣянія по личному побужденію, руководясь

корыстнымъ расчетомъ, ненавистью къ существующей власти, повинуясь ли голосу своего честолюбія или прикрываясь требованіями народнаго блага. Всѣ эти и тому подобные мотивы дѣятельности, быть можетъ и проистекающіе изъ благороднаго, но неправильнаго пониманія своего гражданскаго долла въ періодъ войны, для закона равноцѣнны и одинаково преступны, разъ въ наличіи имѣются доказательтсва оказанія содѣйствія непріятелю въ его военныхъ дѣйствіяхъ, хотя бы имѣвшія мѣсто помимо воли даннаго лица.

Мы произвели всесторонній анализъ рѣчи Милюкова, стараясь сохранить, по возможности, объективное отношеніе къ вопросу. Пусть же сами читатели, повинуясь голосу своей совѣсти, произведутъ моральную, политическую и юридическую оцѣнку этому выступленію Милюкова, сущность котораго нами изложена выше. Много тяжелыхъ ударовъ было нанесено Россіи во время войны, но однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ ударовъ нужно считать разсматриваемую нами рѣчь, ибо этотъ ударъ былъ направленъ въ самое чувствительное, самое больное и самое жизненное мѣсто государственнаго организма Россіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ

РѢЧЬ

П. Н. МИЛЮКОВА

произнесенная въ засѣданіи Государственной Думы

1-го ноября 1916 г.

(Перепечатано съ изданія "Народное Право")

"Господа члены Государственной Думы. Съ тяжелымъ чувствомъ я вхожу сегодня на эту трибуну. Вы помните тѣ обстоятельства, при которыхъ Дума собралась больше года тому назадъ, 10 іюля 1915 года. Дума была подъ впечатлѣніемъ нашихъ военныхъ неудачъ. Она нашла причину этихъ неудачъ въ недостаткѣ военныхъ припасовъ и указала причину недостатка въ поведеніи военнаго министра Сухомлинова. Вы помните, что страна въ тотъ моментъ подъ впечатлѣніемъ грозной опасности, ставшей для всѣхъ очевидной, требовала объединенія народныхъ силъ и созданія министерства изъ лицъ, къ которымъ страна могла бы относиться съ довѣріемъ. И вы помните, что тогда съ этой кафедры даже министръ Горемыкинъ призналъ, "что ходъ войны требуетъ огромнаго, чрезвычайнаго подъема духа и силъ". Вы помните, что власть пошла тогда на уступки. Ненавистные обществу министры были тогда удалены до созыва Думы. Былъ удаленъ Сухомлиновъ, котораго страна считала измѣнникомъ (голосъ слѣва: "Онъ и есть"). И въ отвѣтъ на требованія народныхъ представителей въ засѣданіи 28 іюля Поливановъ объявилъ намъ, при общихъ рукоплесканіяхъ, какъ вы помните, что создана слѣдственная комиссія и положено начало отдачѣ подъ судъ бывшаго военнаго министра. И, господа, общественный подъемъ тогда не прошелъ даромъ: наша армія получила то, что ей было нужно, и во второй годъ войны страна перешла съ тѣмъ же подъемомъ, какъ и въ первый. Какая, господа, разница теперь, на 27-мъ мѣсяцѣ войны, разница, которую особенно замѣчаю я, проведшій нѣсколько мѣсяцевъ этого времени заграницей. Мы теперь передъ новыми трудностями, и трудности эти не менѣе

сложны и серьезны, не менѣе глубоки, чѣмъ тѣ, передъ которыми мы стояли весной прошлаго года. Правительству понадобились героическія средства для того, чтобы бороться съ общимъ разстройствомъ народнаго хозяйства. Мы сами тѣ-же, что прежде. Мы тѣ-же на 27-мъ мѣсяцѣ войны, какими были на 10-мъ и какими были на первомъ. Мы попрежнему стремимся къ полной побѣдѣ, попрежнему готовы нести необходимыя жертвы и попрежнему хотимъ поддерживать національное единеніе. Но я скажу открыто: есть разница въ положеніи. Мы потеряли вѣру въ то, что эта власть можетъ насъ привести къ побѣдѣ... (голоса: "Вѣрно"), ибо по отношенію къ этой власти и попытки исправленія, и попытки улучшенія, которыя мы тутъ предпринимали, не оказались удачными. Всѣ союзныя государства призвали въ ряды власти самыхъ лучшихъ людей изъ всѣхъ партій. Они собрали кругомъ главъ своихъ правительствъ все то довѣріе, всѣ тѣ элементы организаціи, которые были налицо въ ихъ странахъ, болѣе организованныхъ чѣмъ наша. Что сдѣлало наше правительство? Наша декларація это сказала. Съ тѣхъ поръ, какъ выявилось въ Четвертой Государственной Думѣ то большинство, котораго ей раньше не доставало, большинство, готовое дать довѣріе кабинету, достойному этого довѣрія, съ этихъ самыхъ поръ всѣ почти члены кабинета, которые сколько нибудь могли разсчитывать на довѣріе, всѣ они одинъ за другимъ систематически должны были покинуть кабинетъ. И если мы говорили, что у нашей власти нѣтъ ни знаній, ни талантовъ, необходимыхъ для настоящей минуты, то, господа, теперь эта власть опустилась ниже того уровня, на какомъ она стояла въ нормальное время нашей русской жизни (голоса слѣва: "Вѣрно, правильно"), и пропасть между нами и ею расширилась и стала непроходимою. Господа, тогда, годъ тому назадъ, былъ отданъ подъ слѣдствіе Сухомлиновъ, теперь онъ освобожденъ (голоса слѣва: "По-

зоръ“). Тогда ненавистные министры были удалены до открытія сессіи, теперь число ихъ увеличилось новымъ членомъ (голоса слѣва: ”Вѣрно“, голоса справа: ”Протопоповъ“). Не обращаясь къ уму и знаніямъ власти, мы обращались тогда къ ея патріотизму и къ ея добросовѣстности. Можемъ ли мы это сдѣлать теперь? (голоса слѣва: ”Конечно нѣтъ“). Во французской желтой книгѣ былъ опубликованъ германскій документъ, въ которомъ преподавались правила, какъ дезорганизовать непріятельскую страну, какъ создать въ ней броженіе и безпорядки. Господа, если бы наше правительство хотѣло намѣренно поставить передъ собой эту задачу, или если бы германцы захотѣли употребить на это свои средства, средства вліянія или средства подкупа, то ничего лучшаго они не могли сдѣлать, какъ поступать такъ, какъ поступало русское правительство (Родичевъ съ мѣста: ”Къ сожалѣнію, это такъ“). И вы, господа, имѣете теперь послѣдствія. Еще 13 іюня 1916 года съ этой кафедры я предупреждалъ, что ”ядовитое сѣмя подозрѣнія уже даетъ обильные плоды“, что ”изъ края въ край земли русской расползаются темные слухи о предательствѣ и измѣнѣ“. Я цитирую свои тогдашнія слова. Я указывалъ тогда, — привожу опять мои слова, — что ”слухи эти забираются высоко и никого не щадятъ“. Увы, господа, это предупрежденіе, какъ всѣ другія, не было принято во вниманіе. Въ результатѣ, въ заявленіи 28-ми предсѣдателей губернскихъ управъ, собравшихся въ Москвѣ 29 октября этого года, вы имѣете слѣдующія указанія: ”мучительное, страшное подозрѣніе, зловѣщіе слухи о предательствѣ и измѣнѣ, о темныхъ силахъ, борющихся въ пользу Германіи и стремящихся путемъ разрушенія народнаго единства и сѣянія розни подготовить почву для позорнаго мира, перешли нынѣ въ ясное сознаніе, что вражеская рука тайно вліяетъ на направленіе хода нашихъ государственныхъ дѣлъ. Естественно, что на этой почвѣ возникаютъ слухи о признаніи въ

правительственныхъ кругахъ безцѣльности дальнѣйшей борьбы, своевременности окончанія войны и необходимости заключенія сепаратнаго мира. Господа, я не хотѣлъ бы идти навстрѣчу излишней, быть можетъ, болѣзненной подозрительности, съ которой реагируетъ на все происходящее взволнованное чувство русскаго патріота. Но какъ вы будете опровергать возможность подобныхъ подозрѣній, когда кучка темныхъ личностей руководитъ въ личныхъ и низменныхъ интересахъ важнѣйшими государственными дѣлами? (апплодисменты слѣва, голоса: "Вѣрно"). У меня въ рукахъ номеръ "Берлинеръ Тагеблаттъ" отъ 16 октября 1916 года и въ немъ статья подъ заглавіемъ: "Мануйловъ, Распутинъ, Штюрмеръ". Свѣдѣнія этой статьи отчасти запоздали, отчасти эти свѣдѣнія невѣрны. Такъ нѣмецкій авторъ имѣетъ наивность думать, что Штюрмеръ арестовалъ Манасевича - Мануйлова, своего личнаго секретаря. Господа, вы всѣ знаете, что это не такъ и что люди, арестовавшіе Манасевича - Мануйлова и не спросившіе Штюрмера были за это удалены изъ кабинета.

Нѣтъ, господа, Манасевичъ - Мануйловъ слишкомъ много знаетъ, чтобы его можно было арестовать. Штюрмеръ не арестовалъ Манасевича - Мануйлова (апплодисменты слѣва, голоса "Вѣрно". Родичевъ съ мѣста: "Къ несчастью, это правда"). Вы можете спросить: кто такой Манасевичъ - Мануйловъ? Почему онъ намъ интересенъ? Я вамъ скажу, господа. Манасевичъ - Мануйловъ — это бывшій чиновникъ тайной полиціи въ Парижѣ, извѣстная "Маска" "Новаго Времени", сообщавшая этой газетѣ пикантныя вещи изъ жизни революціоннаго подполья. Но онъ, что для насъ интереснѣе, есть также исполнитель особыхъ секретныхъ порученій. Одно изъ этихъ порученій васъ можетъ заинтересовать сейчасъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Манасевичъ - Мануйловъ попробовалъ было исполнить порученіе германскаго посла Пурталеса, назначивша-

го крупную сумму, говорятъ около 800.000 рублей, на подкупъ "Новаго Времени". Я очень радъ сказать, что сотрудникъ "Новаго Времени" вышвырнулъ Манасевича - Мануйлова изъ своей квартиры и Пурталесу стоило не мало труда затушевать эту непріятную исторію. Вотъ, личнаго секретаря министра иностранныхъ дѣлъ Штюрмера, господа, на какого рода порученія употребляли не такъ давно (голоса слѣва: "Вѣрно", продолжительный шумъ).

Предсѣдательствующій. — Покорнѣйше прошу прекратить шумъ.

П. Н. Милюковъ. — Почему этотъ господинъ былъ арестованъ? Это давно извѣстно и я не скажу ничего новаго, если вамъ повторю, то, что вы знаете. Онъ былъ арестованъ за то, что взялъ взятку. А почему онъ былъ отпущенъ? Это, господа, также не секретъ. Онъ заявилъ слѣдователю, что подѣлился взяткою съ предсѣдателемъ совѣта министровъ. (Шумъ. Родичевъ съ мѣста: "Это всѣ знаютъ". Голоса: "Дайте слушать, тише").

Предсѣдательствующій. — Прошу г.г. членовъ Думы соблюдать спокойствіе.

П. Н. Милюковъ. — Манасевичъ, Распутинъ, Штюрмеръ. Въ статьѣ называются еще два имени, — князя Андронникова и митрополита Питирима, какъ участниковъ назначенія Штюрмера вмѣстѣ съ Распутинымъ (шумъ). Позвольте мнѣ остановиться на этомъ назначеніи подробнѣе. Я разумѣю Штюрмера министромъ иностранныхъ дѣлъ. Я пережилъ это назначеніе заграницей. Оно у меня сплетается съ впечатлѣніемъ моей заграничной поѣздки. Я просто буду разсказывать вамъ по порядку то, что я узналъ по дорогѣ туда и обратно, а выводы вы уже сдѣлаете сами. Итакъ, едва я переѣхалъ границу, нѣсколько дней послѣ отставки Сазонова, какъ сперва шведскія, а затѣмъ германскія и австрійскія газеты принесли рядъ извѣстій о томъ, какъ встрѣтила Германія назначеніе Штюрмера. Вотъ, что говорили газеты. Я прочту выдержки безъ комментаріевъ.

"Берлинеръ Тагеблаттъ": "Личность Сазонова давала союзникамъ гарантію прочности иностранной политики послѣднихъ пяти лѣтъ. Штюрмеръ во внѣшней политикѣ есть бѣлый листъ бумаги. Несомнѣнно, онъ принадлежитъ къ кругамъ, которые смотрятъ на войну съ Германіей безъ особаго воодушевленія".

"Кельнская газета": "Мы, нѣмцы, не имѣемъ никакого права и основанія жалѣть объ этой новѣйшей перемѣнѣ въ русскомъ правительствѣ. Штюрмеръ не будетъ препятствовать возникающему въ Россіи желанію мира".

"Нейесъ Винеръ Тагеблаттъ": "Хотя слово теперь не за дипломатами, но все же это облегченіе, когда уходитъ человѣкъ, на которомъ тяготѣетъ вина за начало войны".

"Рейхсъ Постъ": "Штюрмеръ во всякомъ случаѣ будетъ свободнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ Дойнстритъ".

"Деръ Бундъ" — это германофильскій органъ, издающійся въ Бернѣ. Онъ ставитъ въ связь назначеніе Штюрмера съ сообщеніями русскихъ газетъ, что въ срединѣ іюля было засѣданіе въ Ставкѣ, на которомъ обсуждалась возможность заключенія мира.

Особенно интересна была передовая статья въ "Нейе Фрейе Прессѣ" отъ 25 іюня. Вотъ что говорится въ этой статьѣ: "Какъ бы не обрусѣлъ старикъ Штюрмеръ (смѣхъ), все же довольно странно, что иностранной политикой въ войнѣ, которая вышла изъ панславистскихъ идей, будетъ руководить нѣмецъ (смѣхъ). Министръ - президентъ Штюрмеръ свободенъ отъ заблужденій, приведшихъ къ войнѣ. Онъ не обѣщалъ, — господа, замѣтьте, — что безъ Константинополя и проливовъ онъ никогда не заключитъ мира. Въ лицѣ Штюрмера пріобрѣтено орудіе, которое можно употреблять по желанію. Благодаря политикѣ ослабленія Думы, Штюрмеръ сталъ человѣкомъ, который удовлетворяетъ

тайныя желанія правыхъ, вовсе не желающихъ союза съ Англіей. Онъ не будетъ утверждать, какъ Сазоновъ, что нужно обезвредить прусскую военную каску".

Откуда же берутъ германскія и австрійскія газеты эту увѣренность, что Штюрмеръ, исполняя желаніе правыхъ, будетъ дѣйствовать противъ Англіи и противъ продолженія войны? Изъ свѣдѣній русской печати. Въ московскихъ газетахъ была напечатана замѣтка по поводу записки крайне правыхъ (Замысловскій съ мѣста: "И всякій разъ это оказывается ложью"), доставленная въ Ставку въ іюлѣ передъ второй поѣздкой Штюрмера. Въ этой запискѣ заявляется, что, хотя и нужно бороться до окончательной побѣды, но нужно кончить войну своевременно, а иначе плоды побѣды будутъ потеряны вслѣдствіе революціи. (Замысловскій съ мѣста: "Подписи, подписи"). Это — старая для нашихъ германофиловъ тема, но она развивается въ рядѣ новыхъ нападокъ.

Замысловскій (съ мѣста). — Подписи. Пускай скажетъ подписи.

Предсѣдательствующій. — Членъ Думы Замысловскій, прошу васъ не говорить съ мѣста.

П. Н. Милюковъ. — Я цитирую московскія газеты.

Замысловскій (съ мѣста). — Клеветникъ. Скажите подписи. Не клевещите.

Предсѣдательствующій. — Членъ Государственной Думы Замысловскій, прошу васъ не говорить съ мѣста.

Замысловскій. — Подписи, клеветникъ.

Предсѣдательствующій. — Членъ Государственной Думы Замысловскій, призываю васъ къ порядку.

Вишневскій (съ мѣста). — Мы требуемъ подписи. Пусть не клевещетъ.

Предсѣдательствующій. — Членъ Государственной Думы Вишневскій, призываю васъ къ порядку.

П. Н. Милюковъ. — Я сказалъ свой источникъ — это московскія газеты, изъ которыхъ есть перепечатка въ иностранныхъ газетахъ. Я передаю тѣ впечатлѣнія, которыя заграницею опредѣлили мнѣніе печати о назначеніи Штюрмера.

Замысловскій (съ мѣста). — Клеветникъ, вотъ вы кто.

Марковъ II (съ мѣста). — Онъ только сообщилъ завѣдомую неправду. (Голоса слѣва: "Допустимы ли эти выраженія съ мѣста, господинъ предсѣдательствующій?").

Предсѣдательствующій. — Я повторяю, что призываю васъ къ порядку.

П. Н. Милюковъ. — Я не чувствителенъ къ выраженіямъ г. Замысловскаго (голоса слѣва: "Браво, браво"). Повторяю, что старая тема развивается на этотъ разъ съ новыми подробностями. Кто дѣлаетъ революцію? Вотъ кто: оказывается, ее дѣлаютъ городской и земскій союзы, военно- промышленные комитеты, съѣзды либеральныхъ организацій. Это самое несомнѣнное проявленіе грядущей революціи. "Лѣвыя партіи", утверждаетъ записка, "хотятъ продолжать войну, чтобы въ промежутокъ организоваться и подготовить революцію".

Господа, вы знаете, что кромѣ подобной записки, существуетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ записокъ, которыя развиваютъ ту же мысль. Есть обвинительный актъ противъ городской и земской организаціи, есть и другіе обвинительные акты, которые вамъ извѣстны. Такъ вотъ, господа, та идефиксъ революціи, грядущей со стороны лѣвыхъ, та идефиксъ, помѣшательство на которой обязательно для каждаго вступившаго члена кабинета (голоса: "Правильно!"), и этой иде-фиксъ приносится въ жертву все: и высокій національный порывъ на помощь войнѣ, и зачатки русской свободы, и даже прочность отношеній къ союзникамъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ я особенно убѣдился, продолжая путешествіе по Лондону и Парижу. Тутъ я засталъ свѣ-

жее впечатлѣніе отставки Сазонова. Долженъ вамъ засвидѣтельствовать, что это было впечатлѣніе полнаго вандальскаго погрома. Господа, вы только подумайте. Съ 1907 года закладывались основы теперешней международной коньюнктуры. Постепенно, медленно, какъ это всегда бываетъ, устранялись старыя подозрѣнія, старые предразсудки. Пріобрѣталось взаимное довѣріе, создавалась увѣренность въ прочности сложившихся отношеній въ будущемъ. И только, господа, на почвѣ этой увѣренности въ прочности отношеній, въ томъ что они продолжатся и послѣ войны, только на этой почвѣ и могла укрѣпиться готовность поступиться старыми взглядами въ пользу національныхъ русскихъ интересовъ. Только на почвѣ сложившейся полной увѣренности другъ въ другѣ могло быть подписано соглашеніе, о которомъ я вамъ когда-то говорилъ — соглашеніе о Константинополѣ и проливахъ. И вотъ союзники обнаружили удивительную настойчивость въ борьбѣ и готовность приносить жертвы. Они обманули въ этомъ отношеніи всѣ ожиданія нашихъ враговъ и превысили наши собственныя.. Вотъ, вотъ, казалось, Россія пожнетъ плоды работы двухъ министровъ иностранныхъ дѣлъ за тотъ періодъ времени, когда сложилась необычайная, рѣдкая, единственная, можетъ быть, въ исторіи политическая коньюнктура, начало которой положено дѣятельностью короля Эдуарда VII. И вотъ, господа, какъ разъ въ этотъ моментъ на мѣсто опытныхъ руководителей, пользующихся личнымъ довѣріемъ, что вѣдь тоже есть капиталъ и притомъ капиталъ, который очень трудно пріобрѣсти, — является бѣлый листъ бумаги, вовсе не знакомый съ азбукой дипломатіи (голоса слѣва: "Правильно!") и готовый служить всякимъ подозрительнымъ вляініямъ со стороны.

Господа, вы поймете послѣдствія этой перемѣны. Когда министерствомъ управлялъ Сазоновъ, въ Англіи и Франціи знали, что то, что говорятъ наши послы, это говоритъ русское правительство. А ка-

кая же могла быть вѣра къ тѣмъ же посламъ, когда за ними становился Штюрмеръ. Конечно, господа, налаженныя десятилѣтіями отношенія въ одну минуту не разрушаются капризомъ одного лица, и въ этомъ отношеніи права была печать союзная и наша, когда говорила, что съ перемѣною лица не перемѣнилась русская политика. Но вѣдь въ деликатномъ дѣлѣ дипломатіи есть оттѣнки, есть кружевная работа и есть топорное шитье. И кружевная работа возможна только при особенныхъ обстоятельствахъ, при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Господа, я видѣлъ разрушеніе этихъ тончайшихъ, деликатнѣйшихъ фибръ междусоюзной ткани. Я видѣлъ это разрушеніе. На моихъ глазахъ оно шло въ Лондонѣ и Парижѣ. Вотъ, что сдѣлалъ г. Штюрмеръ и быть можетъ недаромъ онъ не обѣщалъ намъ пріобрѣтеніе Константинополя и проливовъ. Я спрашивалъ тогда себя, по какому рецепту это дѣлается? Я поѣхалъ дальше въ Швейцарію отдохнуть, а не заниматься политикой, но и тутъ за мной тянулись тѣ же темныя тѣни. На берегахъ Женевскаго озера, въ Бернѣ я не могъ уйти отъ прежняго вѣдомства Штюрмера — отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и департамента полиціи. Конечно, Швейцарія есть мѣсто, гдѣ скрещиваются всевозможныя пропаганды, гдѣ особенно удобно можно слѣдить за махинаціями нашихъ враговъ. И понятно, что здѣсь особенно должна быть развита система "особыхъ порученій", но среди нихъ развита система особаго рода, которыя привлекаютъ къ себѣ наше особое вниманіе. Ко мнѣ приходили и говорили: "Скажите, пожалуйства, тамъ, въ Петроградѣ, чѣмъ занимается извѣстный Ратаевъ? Спросили, зачѣмъ сюда пріѣхалъ какой-то неизвѣстный мнѣ чиновникъ Лебедевъ. Спросили, зачѣмъ эти чиновники департамента полиціи оказываются постоянными посѣтителями салоновъ русскихъ дамъ, извѣстныхъ своимъ германофильствомъ. Оказывается, что Васильчикова имѣетъ преемницъ и продолжательницъ.

Я не буду называть вамъ имя той дамы, перешедшей отъ симпатіи къ австрійскому князю къ симпатіи къ германскому барону, салонъ которой въ Віа-Курва, во Флоренціи, а затѣмъ въ Монтрэ, въ Швейцаріи, былъ извѣстенъ открытымъ германофильствомъ хозяйки. Теперь эта дама приблизительно въ это самое время переселилась изъ Монтрэ въ Петроградъ. Газеты въ особо торжественныхъ случаяхъ упоминаютъ ея имя. Проѣздомъ черезъ Парижъ обратно я засталъ еще свѣжіе слѣды ея пребыванія. Парижане были скандализованы германскими симпатіями этой дамы и, я долженъ прибавить, ея отношеніями къ русскому посольству, въ которыхъ, впрочемъ, нашъ посолъ не виноватъ. Кстати сказать, это та самая дама, которая начала дѣлать и политическую карьеру г. Штюрмера, попытавшись нѣсколько лѣтъ тому назадъ походатайствовать, чтобы ему дали мѣсто посла въ одномъ изъ второстепенныхъ государствъ Европы. Я долженъ сказать, что тогда эти предложенія были найдены смѣшными и просьба успѣха не имѣла (смѣхъ).

Что я хочу сказать этими указаніями? Я не утверждаю, что я непремѣнно напалъ на одинъ изъ каналовъ общенія. Но это — одно изъ звеньевъ той однородной ткани, которая очень плотно облегаетъ извѣстные общественные круги. Чтобы открыть пути и способы той пропаганды, о которой недавно еще откровенно говорилъ намъ сэръ Джорджъ Бьюкэнэнъ, намъ нужно судебное слѣдствіе, вродѣ того, какое было произведено надъ Сухомлиновымъ. Когда мы обвиняли Сухомлинова, мы вѣдь тоже не имѣли тѣхъ данныхъ, которыя слѣдствіе открыло. Мы имѣли то, что имѣемъ теперь: инстинктивный голосъ всей страны и ея субъективную увѣренность (аплодисменты).

Господа, я можетъ быть не рѣшился бы говорить о каждомъ изъ моихъ отдѣльныхъ впечатлѣній, если бы не было совокупныхъ, и въ особенности, если бы не было того подтвержденія, которое я получилъ, пе-

реѣхавъ изъ Парижа въ Лондонъ. Въ Лондонѣ я наткнулся на прямое заявленіе, мнѣ сдѣланное, что съ нѣкоторыхъ поръ наши враги узнаютъ наши сокровеннѣйшіе секреты и что этого не было во время Сазонова (возгласы слѣва: "Ага"). Если въ Швейцаріи и въ Парижѣ я задавалъ себѣ вопросъ, нѣтъ ли за спиной нашей оффиціальной дипломатіи какой-нибудь другой, то здѣсь уже приходилось спрашивать объ иного рода вещахъ. Прошу извиненія, что, сообщая о столь важномъ фактѣ, я не могу назвать его источника, но если это мое сообщеніе вѣрно, то Штюрмеръ быть можетъ найдетъ слѣды его въ своихъ архивахъ. (Родичевъ съ мѣста: "Онъ уничтожитъ ихъ"). Я миную Стокгольмскую исторію, какъ извѣстно, предшествовавшую назначенію теперешняго министра и произведшую тяжелое впечатлѣніе на нашихъ союзниковъ. Я могу говорить объ этомъ впечатлѣніи, какъ свидѣтель; я хотѣлъ бы думать, что тутъ было проявленіе того качества, которое хорошо извѣстно старымъ знакомымъ А. Д. Протопопова — его неумѣніе считаться съ послѣдствіями своихъ собственныхъ поступковъ (смѣхъ, голоса слѣва: "Хорошъ цензъ для министра"). По счастью, въ Стокгольмѣ онъ былъ уже не представителемъ депутаціи, такъ какъ депутаціи въ это время уже не существовало, она частями возвращалась въ Россію. То что Протопоповъ сдѣлалъ въ Стокгольмѣ, онъ сдѣлалъ въ наше отсутствіе (Марковъ 2-й съ мѣста: "Вы дѣлали то же самое въ Италіи"). Но все же, господа, я не могу сказать, какую именно роль эта исторія сыграла въ той уже извѣстной намъ прихожей, черезъ которую, вслѣдъ за другими, прошелъ А. Д. Протопоповъ на пути къ министерскому креслу (голоса справа: "Какая прихожая?"). Я вамъ называлъ этихъ людей — Манасевичъ - Мануйловъ, Распутинъ, Питиримъ, Штюрмеръ. Это та придворная партія, побѣдою которой, по словамъ "Нейе Фрейе Прессе", было назначеніе Штюрмера: "Побѣда придворной партіи, которая группируется вокругъ молодой Царицы".

Во всякомъ случаѣ, я имѣю нѣкоторое основаніе думать, что предложенія, сдѣланныя германскимъ совѣтникомъ Варбургомъ Протопопову, были повторены болѣе прямымъ путемъ и изъ болѣе высокаго источника. Я нисколько не былъ удивленъ, когда изъ устъ британскаго посла выслушалъ тяжеловѣсное обвиненіе противъ того же круга лицъ въ желаніи подготовить путь сепаратному миру. Можетъ быть, слишкомъ долго остановился на Штюрмерѣ? (Возгласы: "Нѣтъ, нѣтъ!"). Но, господа, вѣдь на немъ преимущественно сосредоточились всѣ чувства и настроенія, о которыхъ я говорилъ раньше. Я думаю, что эти чувства и настроенія не позволили ему занимать это кресло. Онъ слышалъ тѣ возгласы, которыми вы встрѣтили его выходъ. Будемъ надѣяться вмѣстѣ съ вами, что онъ сюда больше не вернется (Апплодисменты слѣва. Шумъ. Возгласы слѣва: "Браво!").

Да, господа, большая разница между той нашей встрѣчею, которая происходила при Горемыкинѣ 15 іюля 1915 года и даже въ февралѣ 1916 года и встрѣчею, которая происходитъ теперь. Не похожи эти встрѣчи, какъ не похоже общее положеніе страны. Тогда мы могли говорить объ организаціи страны при помощи думскаго законодательства. Если бы намъ въ то время дали возможность провести намѣченные нами и подготовленные законы, напримѣръ, законъ о власти, то Россія не стояла бы теперь въ такой безпомощности передъ вопросомъ объ организаціи продовольственнаго дѣла. Это было тогда. Конечно, теперь вопросъ о нашемъ законодательствѣ отодвинулся на второй планъ. Теперь мы видимъ и знаемъ, что съ этимъ правительствомъ мы такъ же не можемъ законодательствовать, какъ мы не можемъ вести Россію къ побѣдѣ (голоса слѣва: "Вѣрно!"). Прежде мы пробовали создать доказательство, что нельзя же вступать въ борьбу со всѣми живыми силами страны; нельзя вести войну внутри страны, если вы ее ведете на фронтѣ; необ-

ходимо использовать народный порывъ для достиженія національныхъ задачъ; что внѣ этого возможно только мертвящее насиліе, которое только увеличитъ ту опасность, которую хотятъ этимъ насиліемъ предупредить. Теперь же, господа, кажется, всѣ убѣдились, что обращаться къ нимъ съ доказательствами безполезно, когда страхъ передъ народомъ, передъ своею страной слѣпитъ глаза и когда основною задачею является поскорѣе кончить войну, хотя бы въ ничью, чтобы только отдѣлаться поскорѣе отъ необходимости искать народной поддержки (голоса слѣва: "Вѣрно!"). 10 февраля 1916 года я кончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что мы не рѣшимся больше обращаться къ государственной мудрости власти и что я не жду отвѣта на тревожные вопросы отъ теперешняго состава кабинета. Тогда мои слова показались нѣкоторымъ излишне мрачными. Теперь мы идемъ дальше и можетъ быть эти слова будутъ свѣтлѣе и ярче. Мы говоримъ правительству, какъ сказала декларація блока: мы будемъ бороться съ вами, будемъ бороться всѣми законными средствами до тѣхъ поръ, пока вы не уйдете. Говорятъ, что одинъ членъ совѣта министровъ, услышавъ, что на этотъ разъ Государственная Дума собирается говорить объ измѣнѣ, взволнованно вскрикнулъ: "Я, быть можетъ, дуракъ, но я не измѣнникъ" (Смѣхъ.) Господа, предшественникъ этого министра былъ несомнѣнно умнымъ министромъ, такъ же какъ предшественникъ министра иностранныхъ дѣлъ былъ честнымъ человѣкомъ. Но ихъ теперь вѣдь нѣтъ въ составѣ кабинета. Такъ развѣ же не все равно для практическаго результата, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ глупостью или съ измѣною?

Когда вы цѣлый годъ ждете выступленія Румыніи, настаиваете на этомъ выступленіи, а въ рѣшительную минуту у васъ не оказывается ни войскъ, ни возможности быстро подвозить ихъ по единственной узкоколейной дорогѣ, и, такимъ образомъ, вы еще разъ упускаете благопріятный моментъ нанести

рѣшительный ударъ на Балканахъ, — какъ вы назовете это; глупостью или измѣной? (голоса слѣва: "Одно и то же"). Когда, вопреки нашимъ неоднократнымъ настаиваніямъ, начиная съ февраля 1916 года и кончая іюлемъ 1916 г., причемъ уже въ февралѣ я говорилъ о попыткахъ Германіи соблазнить поляковъ и о надеждѣ Вильгельма получить полумилліонную армію, когда, вопреки этому, намѣренно тормозится дѣло, и попытка умнаго и честнаго министра рѣшить, хотя бы въ послѣднюю минуту, вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ кончается уходомъ этого министра и новой отсрочкой, а врагъ нашъ, наконецъ, пользуется нашимъ промедленіемъ, — то это: глупость или измѣна? (голоса слѣва: "Измѣна"). Выбирайте любое. Послѣдствія тѣ-же.

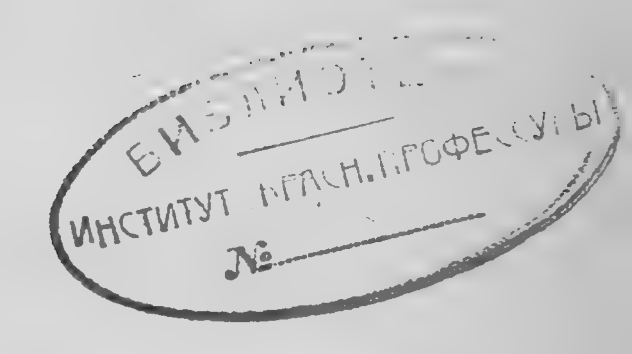
Когда со все большею настойчивостью Дума напоминаетъ, что надо организовать тылъ для успѣшной борьбы, а власть продолжаетъ твердить, что организовать, — значитъ организовать революцію, и сознательно предпочитаетъ хаосъ и дезорганизацію — что это, глупость или измѣна? (голосъ слѣва: "Измѣна". Аджемовъ: "Это глупость". Смѣхъ). Мало того. Когда на почвѣ общаго недовольства и раздраженія власть намѣренно занимается вызываніемъ народныхъ вспышекъ — потому что участіе департамента полиціи въ послѣднихъ волненіяхъ на заводахъ доказано, — такъ вотъ, когда намѣренно вызываются волненія и безпорядки путемъ провокаціи и при томъ знаютъ, что это можетъ служить мотивомъ для прекращенія войны, — что это дѣлается, сознательно или безсознательно?

Когда въ разгаръ войны "придворная партія" подкапывается подъ единственнаго человѣка, создавшаго себѣ репутацію честнаго у союзниковъ (шумъ) и когда онъ замѣняется лицомъ, о которомъ можно сказать все, что я сказалъ раньше, то это... (Марковъ 2-й: "А ваша рѣчь — глупость или измѣна?"). Моя рѣчь — есть заслуга передъ родиной, которой вы не сдѣлаете. Нѣтъ, господа, воля ваша,

ужъ слишкомъ много глупости. (Замысловскій: "Вотъ это вѣрно"). Какъ будто трудно объяснить все это только одною глупостью.

Нельзя, поэтому, и населеніе обвинять, если оно приходитъ къ такому выводу, который я прочиталъ въ заявленіи предсѣдателей губернскихъ управъ. Вы должны понимать и то, почему у насъ сегодня не раздается никакой другой рѣчи, кромѣ той, которую я уже сказалъ: добивайтесь ухода этого правительства. Вы спрашиваете, какъ же мы начнемъ бороться во время войны? Да вѣдь, господа, только во время войны они и опасны. Они для войны опасны: именно потому то во время войны и во имя войны, во имя того самаго, что насъ заставило объединиться, мы съ ними теперь боремся. (Голоса слѣва: "Браво" Апплодисменты). Господа, вы понимаете, почему у меня сегодня не можетъ быть никакой другой темы, кромѣ этой. Я не могу подражать члену Государственной Думы Чхеидзе и заниматься нашей внутренней политикой. Сегодня не время для этого и я ничего не отвѣчу на его ссылки на меня и нападки. За меня отвѣчаетъ содержаніе деклараціи, которая здѣсь прочитана. Мы имѣемъ много, очень много отдѣльныхъ причинъ быть недовольными правительствомъ. Если у насъ будетъ время, мы ихъ скажемъ. И всѣ частныя причины сводятся къ одной этой: неспособность и злонамѣренность даннаго состава правительства. (Голоса слѣва: "Правильно"). Это наше главное зло, побѣда надъ которымъ будетъ равносильна выигрышу всей кампаніи. (Голоса слѣва: "Вѣрно!"). Поэтому, господа, во имя милліоновъ жертвъ и потоковъ пролитой крови, во имя достиженія нашихъ національныхъ интересовъ, во имя нашей отвѣтственности передъ всѣмъ народомъ, который насъ сюда послалъ, мы будемъ бороться, пока не добьемся той настоящей отвѣтственности правительства, которая опредѣляется тремя признаками нашей общей деклараціи: одинаковое пониманіе членами кабинета бли-

жайшихъ задачъ текущаго момента, ихъ сознательная готовность выполнить программу большинства Государственной Думы и ихъ обязанность опираться не только при выполненіи этой программы, но и во всей ихъ дѣятельности на большинство Государственной Думы.Кабинетъ,не удовлетворяющій этимъ признакамъ, не заслуживаетъ довѣрія Государственной Думы и долженъ уйти: (Шумные апплодисменты)".

Книги А. С. Резанова.

1. Армія и толпа. Опытъ психологіи воинскихъ массъ въ связи съ психологіей вообще. Варшава, 1910 г. (3.000 экз.).
2. Законъ 5 іюля 1912 года о государственной измѣнѣ. Съ постатейными разъясненіями, историческимъ очеркомъ и съ приложеніемъ иностранныхъ законовъ. Варшава, 1912 г. (3.000 экз.).
3. Нѣмецкія звѣрства. Книга составлена на основаніи показаній потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также оффиціальныхъ данныхъ. Петроградъ, 1915 г. 3-е изданіе (15.000 экз.).
4. Солдатская памятка о нѣмецкихъ звѣрствахъ. Петроградъ. 5-е изд. (75.000 экз.).
5. Нѣмецкое шпіонство. Книга составлена на основаніи судебной практики. Петроградъ, 1915 года. 3-е изданіе (15.000 экз.).

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ:

6. Les Atrocités allemandes du côté russe. Petrograde 1916 (épuisé).
7. La Troisième Internationale Communiste (Le « Komintern ») Editions Bossard, Paris 1922. Prix: 3 fr. 90.
8. L'Idéologie du Communisme. Editions Bossard, Paris 1923. Prix: 2 fr. 70.

Готовится къ печати новая книга

А. С. Резанова:

«ВОКРУГЪ КОМИССІИ ГЕН. БАТЮШИНА»

Содержаніе:

Предисловіе. — Гл. I. Дѣло Дм. Рубинштейна.. — Гл. II. Финалъ дѣла Дм. Рубинштейна. — Гл. III. Дѣла: А. Вольфсона, Апп. и Ал. Рубинштейновъ. — Гл. IV. Обыски въ банкахъ и дѣло сахарозаводчиковъ. — Гл.V. Нѣсколько словъ о состалѣ и дѣятельности комиссіи. — Гл. VI. Изъ личныхъ переживаній автора. — Гл. VII. Цвѣты революціоннаго правосудія. — Гл. VIII. Блага свободы печати. — IX. Послѣсловіе.

Приложеніе:

Нѣсколько документовъ къ седьмой главѣ.

3

